

Собака, которая не лает

Лили Маргрейв с излишней старательностью разглаживала перчатки, лежащие у нее на коленях. Несомненно, она нервничала. Искося взглядывала на человека, который сидел напротив в глубоком кресле. Она много слышала об Эркюле Пуаро, знаменитом детективе, но впервые видела его перед собой. Комичный, почти нелепый вид совсем не соответствовал тому представлению, которое у нее сложилось заранее. Каким образом этот забавный человечек с яйцевидной головой и чудовищными усами распутывал те необычные дела, разгадку которых ему предписывали? Даже игра, которой он забавлялся, слушая Лили, поразила ее своим невероятным ребячеством. Он громоздил один на другой маленькие разноцветные деревянные кубики и, казалось, больше был увлечен пирамидкой, чем ее рассказом.

Она обиженно замолчала. Он сразу поднял голову.

- Продолжайте, мадемуазель, прошу вас. Не опасайтесь, что я рассеян. Напротив, я слушаю вас с величайшим вниманием.

Он вновь принялся за свои конструкции, а Лили принудила себя продолжить рассказ. Это была волнующая история, но излагалась она столь лаконично, таким нарочито невозмутимым голосом, что весь душераздирающий подтекст как бы терялся.

Закончив, Лили сказала с легким вызовом:

- Надеюсь, я передала все достаточно ясно?

Пуаро кивнул головой, раскидал по столу деревянные кубики и, сцепив пальцы, выпрямился в кресле. Он методично повторил:

- Сэр Рьюбен Аствелл был убит десять дней назад. Затем в среду, то есть позавчера, полиция арестовала его племянника Чарльза Леверсона. Улики против него следующие (поправьте меня, если я ошибусь): десять дней назад, в ночь преступления, мистер Леверсон вернулся домой очень поздно. Он отомкнул дверь своим ключом. Сэр

Рьюбен еще работал. Один в башне, которую он прозвал своим святилищем. - Он писал за письменным столом. Дворецкий, комната которого находится прямо под кабинетом в башне, слышал, как Леверсон ссорился со своим дядюшкой. Ссора завершилась глухим шумом, будто с грохотом опрокинули стул, а затем приглушенным криком. Обеспокоенный и взволнованный дворецкий хотел было подняться, посмотреть, что произошло. Но спустя несколько секунд мистер Леверсон вышел из кабинета, весело насвистывая. Дворецкий успокоился и больше не придавал значения тому, что услышал. Однако на следующее утро горничная нашла сэра Рьюбена мертвым рядом с его письменным столом. Он был убит каким-то тяжелым предметом.

- Если я правильно понял, дворецкий сначала ничего не сказал полиции. Это было вполне естественно, вы не находите, мадемуазель?

Вопрос заставил Лили вздрогнуть.

- Простите? - пробормотала она.

- В таком деле, как это, всегда ищешь что-нибудь чисто житейское. Слушая ваш замечательный и столь сдержанный пересказ, я подумал, что актеры этой драмы всего лишь автоматы, марионетки. Но я всегда ищу человеческую природу и думаю, что у этого дворецкого... как вы сказали его зовут?

- Парсонс.

- Да, у этого Парсонса наверняка в психике есть черты его класса. Он с традиционным недоверием относится и к полиции и к полицейским, стараясь по возможности держать язык за зубами. Прежде всего он будет избегать сболтнуть то, что сможет повредить кому-то из членов семьи его хозяев. Случайный грабитель - да, это отличная идея, и он станет цепляться за нее со всей энергией, на которую только способен. Видите ли, формы, которые способна принимать преданность старых слуг, изучать весьма любопытно!

Пуаро с удовольствием откинулся на спинку высокого кресла.

- Тем временем, - продолжал он, - все обитатели дома, леди и джентльмены, успели изложить свои версии преступления. Мистер Леверсон в том числе. По его словам, он вернулся поздно и пошел спать, не поднимаясь к своему дядюшке.

- Он сказал именно так.

- И никто не подумал усомниться в этом, исключая, разумеется, Парсонса, - продолжал Пуаро задумчиво. - Тут появляется инспектор из Скотланд-Ярда. Инспектор Миллер, кажется? Я его знаю, мы с ним встречались один или два раза. Это дотошный малый, типичный полицейский проныра. И вот этот проныра инспектор Миллер сразу видит то, чего инспектору местной полиции разнюхать было не под силу. Он замечает, что Парсонс явно не в своей тарелке, очевидно, он знает нечто, о чем пока не сообщил. Миллер быстренько заставляет Парсонса разговориться. К этому моменту было уже точно установлено, что никто посторонний не проникал в дом. Убийцу следует искать на месте. Несчастный перепуганный Парсонс испытал подлинное облегчение, когда у него выудили тайну! Он старался избежать скандала, но все имеет границы. Итак, инспектор Миллер выслушивает Парсонса, задает несколько наводящих вопросов, проводит собственные наблюдения и строит крайне убедительное обвинение. В кабинете, находящемся в башне, на углу сейфа находят следы окровавленных пальцев. Отпечатки оказываются принадлежащими Чарльзу Леверсону. Горничная сознается, что, убирая комнату мистера Леверсона на следующий день после преступления, она выплеснула из умывального таза воду, окрашенную кровью. Он объяснил ей, что порезал палец, но этот порез едва заметен. Манжет рубашки, которая была на нем накануне вечером, грубо застиран, но с изнанки одного из рукавов пиджака нашли свежие следы крови. Н-да... Он испытывал денежные затруднения и рассчитывал получить после смерти сэра Рьюбена крупное состояние. Все это очень убедительно... И тем не менее вы пришли ко мне?

Лили слегка пожала плечами.

- Как я вам уже сказала, меня послала леди Аствелл.

- А по своей воле вы бы не пришли?

Низкорослый бельгиец взглянул ей прямо в лицо. Она молчала.

- Вы не отвечаете на мой вопрос? Почему?

Лили снова принялась разглаживать свои перчатки.

- Мне довольно трудно ответить. Я стараюсь быть беспристрастной по отношению к леди Аствелл. Я всего лишь компаньонка на жалованье, а она всегда обращалась со мною скорее как с дочерью или племянницей, чем как со служащей. Она

постоянно была добра ко мне... Я не хотела бы осуждать ее образ действий... или вызывать у вас предубеждение, которое помешало бы вам заинтересоваться этим делом.

- Эркюль Пуаро недоступен предубеждениям, - заявил с апломбом знаменитый детектив. - Мне кажется, я угадал: вы находите леди Аствелл немного странной? Признайтесь в этом.

- Если быть откровенной...

- Говорите без опасений, мадемуазель.

- Я нахожу ее просьбу просто абсурдной!

- Именно такова ваша точка зрения?

- Не мое дело осуждать леди Аствелл...

- Понимаю, понимаю, - подбодрил девушку Пуаро, взглядом приглашая ее продолжать.

- Это на самом деле необыкновенное существо, редкой доброты, но она не... как бы это сказать?.. У нее отсутствует всякое образование. Вы знаете, что она была актрисой, когда сэр Рьюбен женился на ней? Она полна мелочных предрассудков, суеверий. Если в чем-нибудь упрется, ей напрасно было бы возражать. Она даже не хочет слушать, что ей говорят. Инспектор был не очень тактичен, он вывел ее из себя. Теперь она упрямо твердит, что глупо подозревать мистера Леверсона, что это чистый идиотизм, который как свойствен полиции, и что, конечно, милый Чарльз не может быть виновным.

- Но никакого убедительного аргумента?

- Никакого. Я ей повторяла, что бесполезно идти к вам с утверждением, которое не подкреплено фактами.

- Вы ей так сказали? Это интересно.

Мгновенным взглядом Пуаро окинул свою собеседницу. Черный костюм хорошего покроя. Маленькая траурная шляпка очень ей к лицу. Он отметил ее элегантность, красивое лицо с немного заостренным подбородком, голубые глаза, опущенные длинными ресницами. Незаметно для себя он ощутил, что его отношение к

ней меняется. Теперь его, пожалуй, больше интересовала сама молодая женщина, чем дело, которое привело ее к нему.

- Я охотно поверил бы мадемуазель, что Аствелл чересчур эмоциональна и не совсем уравновешенна.

Лили Маргрейв с готовностью кивнула.

- Именно так. Как я уже говорила, она обезоруживающе добра, но с ней невозможно спорить или заставить рассматривать вещи с точки зрения логики.

- Видимо, у нее имеются собственные подозрения и они достаточно нелепы?

- Совершенно верно! - пылко воскликнула Лили. - Она невзлюбила несчастного секретаря сэра Рьюбена. И теперь утверждает, что она ЗНАЕТ, будто именно он убийца. Хотя было точно доказано, что Оуэн Трефузиус не мог совершить этого преступления.

- Значит, нет оснований обвинять его?

- Никаких. Но для нее существует только своя интуиция, - добавила Лили пренебрежительно.

- А вот вы, мадемуазель, не верите в интуицию, - заметил Пуаро улыбаясь.

- Для меня это просто глупость.

Пуаро выпрямился в своем кресле.

- О, женщины, - пробормотал он. - Им очень нравится воображать, что господь бог наградил их особым прозрением. Но в девяти случаях из десяти интуиция приводит к заблуждению.

- Вполне согласна, - подхватила Лили. - Я уже описала вам леди Аствелл. Совершенно немисливо заставить ее внять доводам рассудка.

- И поэтому вы, мадемуазель, такая рассудительная и тактичная, пришли ко мне, как она велела вам, и постарались добросовестно ввести меня в курс событий.

Лили резко вскинула голову, удивленная странным тоном Пуаро. Она принялась извиняться.

- Разумеется, я сознаю, как ценны ваши минуты...

- Вы мне льстите, мадемуазель. Однако верно, что сейчас у меня на руках несколько важных дел...

- Этого я и опасалась, - сказала она вставая. - Я передам леди Аствелл...

- Вы очень торопитесь уйти отсюда, мадемуазель? Задержитесь еще на минутку.

Лили слегка покраснела и снова села с явным неудовольствием.

- Мадемуазель, вы живая и решительная девушка. Простите старика, который думает и действует более медленно. Но вы ошиблись относительно моих намерений. Я еще не говорил, что не поеду повидать леди Аствелл.

- Так вы приедете?

Она сказала это без всякого воодушевления, опустив глаза на ковер, и не заметила пристального внимания, с которым Пуаро наблюдал за нею.

- Разумеется. Скажите леди Аствелл, что я в ее полном распоряжении. Я прибуду в "Мой отдых" - так кажется, называется имение? - сегодня после обеда.

Он встал. Лили сделала то же самое.

- Передам. Это очень любезно с вашей стороны, месье Пуаро. Хотя опасаясь, как бы вы не оказались втянуты в химерическую авантюру.

- Вполне возможно. Но... как знать?

Он галантно проводил свою гостью до двери, потом медленно возвратился в кабинет, сел, нахмурившись, погруженный в свои мысли. Наконец, поднялся, приоткрыл дверь и кликнул слугу.

- Мой добрый Джордж, прошу вас приготовить обычный маленький чемодан. Сегодня после обеда я еду за город.

- Очень хорошо, месье, - отозвался тот.

Джордж был типичным англичанином высокий, тощий, как жердь, и при любом повороте событий невозмутимый.

- Видите ли, Джордж, молодая девушка - это одно из самых интересных явлений, особенно если она умна, - сказал Пуаро, откидываясь в кресле и закуривая сигару. - Просить что-то сделать и одновременно убеждать не делать этого - какой деликатный маневр, требующий большой тонкости. Ловка малютка, даже очень ловка. Но Эркюлю Пуаро присуща ловкость более высокого разряда!

- Я неоднократно слышал, как вы утверждали это, месье.

- Она хлопчет не о секретаре, - продолжал размышлять вслух Пуаро, - обвинение леди Аствелл принято ею с пренебрежением. Но ей очень не по нутру, чтобы кто-то вмешивался в дело. Ну что ж, в него вмешаюсь я. Разбужу всех спящих собак. В "Моем отдыхе" разыгрывается какая-то человеческая драма, она меня весьма заинтриговала. Малютка хитра, но недостаточно. И я спрашиваю себя: что я там найду?

За этим замечанием последовала тягостная пауза Джордж воспользовался ею, чтобы задать прозаический вопрос.

- Класть ли в чемодан смокинг, сэр?

Пуаро меланхолически взглянул на него.

- Я восхищен вашей всегдашней сосредоточенностью, Джордж! Вы так внимательны к своим обязанностям!

Поезд в 16.55 остановился на вокзале в Эббот Кросс. Из него вышел месье Пуаро, несколько преувеличенно расфранченный, с нафабранными усами, вытянутыми в тонкую линию, концы их были заострены. Он отдал свой билет при входе. Его встретил шофер поражающе высокого роста.

- Месье Эркюль Пуаро?

- Да, таково мое имя, - произнес маленький бельгиец с важностью.

- Машина подана с этой стороны, месье.

Шофер распахнул дверцу "роллс-ройса".

Понадобилось не более нескольких минут, чтобы домчаться от вокзала до виллы Дворецкий уже распахивал входную дверь, хотя Пуаро был еще в машине. Не претендуя на особую красоту, она производила впечатление прочности и комфорта. Детектив едва сделал два шага, входя в холл, как дворецкий проворно принял у него

плащ и шляпу. Он сообщил тем почтительным тоном, каким умеют говорить только по-настоящему вышколенные слуги

- Леди Аствелл ждет вас, месье

Пуаро последовал за дворецким, несомненно тем самым, уже известным ему Парсонсом. Они поднялись по лестнице, покрытой мягким ковром. На втором этаже двинулись направо по коридору. В маленькой прихожей слуга открыл дверь и доложил:

- Месье Эркюль Пуаро.

Комната, в которую вошел Пуаро, казалась тесной из-за обилия мебели и безделушек. Женщина, одетая в траур, протянула руку.

- Здравствуйте, месье Пуаро, - сказала она. Его сверхэлегантный вид прошел как бы мимо нее. Не обращая внимания ни на густо покрытую помадой прическу, когда он склонился к ее руке, ни на почтительное "мадам", которым он сопроводил свое приветствие, она крепко пожала ему руку и порывисто воскликнула.

- Я доверяю людям маленького роста Они самые умные!

- Если не ошибаюсь, - как бы мимоходом проронил Пуаро, - инспектор Миллер рослый человек.

- Самоуверенный кретин, - заявила леди Аствелл. - Садитесь поближе, месье Пуаро. - Она указала ему на диван и продолжала: - Лили сделала все, чтобы помешать мне пригласить вас. Но в моем возрасте четко знаешь, чего хочешь.

- Не всегда, - ввернул Пуаро.

Удобно устроившись среди подушек, леди Аствелл села так, чтобы быть лицом к нему.

- Лили такая милашка, но она считает, что знает все. А опыт научил меня, что как раз люди ее типа ошибаются особенно часто. Я, знаете ли, не умна, месье Пуаро, и никогда не была умной. Но часто оказываюсь права там, где умники попадают впросак. Я полагаюсь на высший инстинкт, который ведет нас. А теперь хотите ли вы, чтобы я сказала, кто убийца? Да или нет? Раз женщина говорит, месье Пуаро, то она ЗНАЕТ!

- А мисс Маргрейв знает?

- Что она вам наплела? - живо спросила леди Аствелл.

- Перечислила факты.

- Факты? О, конечно, факты абсолютно все против Чарльза. Но, месье Пуаро, я говорю вам: не он преступник. Уверяю, не он!

Подавшись вперед, она повторила это с горячностью, которая делала ее почти одержимой.

- Вы очень категоричны, леди Аствелл.

- Трефузиус убил моего мужа. Вот в чем я убеждена, месье Пуаро!

- Почему?

- Почему он его убил? Или почему я в этом уверена? Говорю вам, что я ЗНАЮ. Моя уверенность возникает обычно сразу, и я никогда не обманываюсь.

- Должен ли был мистер Трефузиус извлечь из смерти сэра Рьюбена какую-нибудь выгоду?

Ответ последовал немедленно:

- Нет. Муж не оставлял ему ни гроша. Всем хорошо известно, что мой дорогой Рьюбен не питал к своему секретарю ни привязанности, ни доверия.

- Давно ли он служил у сэра Рьюбена?

- Около девяти лет.

- Весьма долгое время, - задумчиво промолвил Пуаро. - Очень долгое. И оно проведено на службе у одного и того же человека. Мистер Трефузиус должен был хорошо знать своего хозяина?

Леди Аствелл пронзительно посмотрела на него:

- К чему вы клоните? Не вижу, как это может быть связано с преступлением.

- У меня возникла маленькая собственная идейка, возможно, не особенно глубокая, но все-таки оригинальная: о влиянии на поступки людей рода их служебных занятий.

Леди Аствелл продолжала смотреть на него.

- Вы очень умны, не так ли? - спросила она, скорее, с сомнением в голосе. - Все так говорят.

Пуаро рассмеялся.

- Возможно, и вы на днях сделаете мне подобный комплимент, мадам. Но вернемся к нашей теме. Расскажите мне о ваших людях, которые находились здесь в ночь трагедии.

- Был, конечно, Чарльз...

- Мистер Леверсон. Он племянник вашего мужа, а не ваш, если я правильно понял?

- Совершенно верно. Чарльз единственный сын сестры Рьюбена. Она вышла замуж за довольно богатого человека, но разразился кризис, как это частенько бывает, знаете в Сити. Отец Чарльза умер, мать тоже, и мальчик переехал к нам. В то время ему исполнилось двадцать три года. Он хотел стать адвокатом. Но когда произошла катастрофа с отцом, Рьюбен взял его в свое дело.

- Был ли мистер Леверсон трудолюбив?

- Мне нравятся люди, которые быстро все схватывают, - сказала леди Аствелл, одобрительно покачивая головой. - Нет, и это было темным пятном. Чарльз манкировал службой, и из-за глупостей, которые он делал, между ним и его дядей постоянно происходили сцены. Нельзя сказать, что у бедного Рьюбена был легкий характер. Много раз я ему напоминала, что он позабыл, что значит быть молодым. Его собственная молодость прошла совсем иначе, месье Пуаро. Ах, он стал совсем другим!

При этом воспоминании леди Аствелл глубоко вздохнула.

- Все претерпевают изменения, мадам. Это правило, от которого никто не отклоняется, - торжественно заявил Пуаро.

- Однако со мной он никогда не был груб. Или, если это с ним случалось, по крайней мере, всегда жалел об этом. И умел мне это доказать. Бедный дорогой Рьюбен!

- С ним было трудно жить?

- Я-то умела за него взяться, - сказала леди Аствелл тоном опытного дрессировщика. - Но иногда, если он напустился на слуг, мне становилось просто неловко. Можно впасть в гнев тоже по-разному, а манера сердиться у Рьюбена была не из лучших.

- Не могли бы вы, леди Аствелл, сказать мне более точно, как сэр Рьюбен распорядился своим состоянием?

- Разделил пополам между Чарльзом и мною. Нотариусы излагают менее понятно, но все сводится к этому.

- Вот как, - пробормотал Пуаро. - Теперь, леди Аствелл, прошу вас назвать точно людей, которые живут обычно у вас. Прежде всего; это вы сами. Затем секретарь мистер Оуэн Трефузиус, племянник сэра Рьюбена мистер Чарльз Леверсон, мисс Лили Маргрейв. Может быть, вы смогли бы сказать несколько слов об этой молодой особе?

- Вы хотите получить сведения о Лили?

- Именно. Давно она у вас?

- Примерно год. У меня, знаете ли, перебивало множество компаньонов. Но по той или иной причине все они начинали в конце концов действовать мне на нервы. Лили не такая, как другие. У нее есть такт, она полна здравого смысла, и, кроме того, она хорошенькая. Приятно видеть перед собою хорошенькое личико! Я, месье Пуаро, странный человек. Моя симпатия или антипатия возникает с первого взгляда. В тот момент, когда я впервые увидела эту мисс, я сказала себе: она мне подойдет!

- Вам ее порекомендовали друзья?

- Сдается, она явилась по объявлению, которое я поместила в газете... Да, так оно и было, пожалуй.

- Вы знаете что-нибудь о ее семье, о прежней службе?

- Кажется, ее родители жили в Индии. Я знаю о них немного, но сразу видно, что Лили хорошего круга, не правда ли?

- О, разумеется, разумеется.

- Меня-то самое нельзя назвать дамой высшего света. Я знаю это, и для слуг это не секрет. Но, поверьте, во мне нет ничего низкого. Я способна справедливо

оценивать других. Никто не мог бы подойти для меня лучше Лили. Я к ней отношусь почти как к дочери, уверяю вас, месье.

Правой рукой Пуаро потрогал несколько изящных вещиц, которые стояли на столе возле него, потом спросил:

- Сэр Рьюбен разделял ваше отношение к мисс Лили?

Продолжая рассматривать безделушки, он отметил тем не менее мгновенное колебание леди Аствелл.

- У мужчин все по-другому, - проронила она. - Конечно, они ладили. Они очень хорошо ладили.

- Благодарю вас, мадам, - сказал Пуаро, скрывая улыбку. - А кроме слуг, больше никого не было в доме?

- Ах, да. Был еще Виктор.

- Виктор?

- Да, Виктор Аствелл, брат моего мужа, который тоже был его компаньоном.

- Он обычно живет вместе с вами?

- Нет. Он только что приехал, чтобы провести несколько дней в "Моем отдыхе" после многих лет жизни в Западной Африке.

- В Западной Африке, - повторил вполголоса Пуаро. Он понял, что леди Аствелл могла распространяться на любую тему, лишь бы ей дали на это время.

- Говорят, это дивная страна, но я думаю, что это страна, где люди явно меняются к худшему. Там слишком много пьют. И бог знает что еще делают! У всех Аствеллов характеры на сахар, но у Виктора с тех пор, как он вернулся оттуда!.. Это переходит все границы! Нечто скандальное! Один или два раза я сама испугалась его.

- Внушает ли он также страх мисс Маргрейв? Вот о чем бы я хотел спросить себя, - пробормотал Пуаро.

- Лили? О, не думаю, что он вообще видел ее более двух-трех раз.

Пуаро черкнул несколько слов в крошечной записной книжке, которую тотчас тщательно запрятал в карман, предварительно вложив карандашик в специальный футляр.

- Благодарю вас, леди Аствелл, - церемонно сказал он. - Теперь, если позволите, я желал бы побеседовать с Парсонсом.

- Вы хотите пригласить его сюда? - Леди Аствелл уже протянула руку к звонку.

- Нет, тысячу раз нет! Я встречу с ним внизу.

- Ну, если вы считаете, что так удобнее...

Было видно, что леди Аствелл разочарована, лишившись возможности участвовать в предполагаемой сцене. Пуаро принял таинственный вид.

- Именно это крайне важно, - сказал он с нажимом, оставив леди Аствелл под глубоким впечатлением.

Он нашел Парсонса в буфетной за чистой столового серебра и начал переговоры с ним после изысканного поклона, секрет воздействия которого он знал наперед.

- Я должен объяснить вам кое-что. Я частный детектив.

- Да, месье, - отвечивал Парсонс. - Мы так и поняли.

Тон был почтительный, но держал собеседника на расстоянии.

- Леди Аствелл пригласила меня. Она обеспокоена и неудовлетворена следствием.

- Я слышал, как госпожа неоднократно говорила об этом, месье.

- Да, - продолжал Пуаро, - я действительно повторяю вещи, уже известные вам. Итак, не станем терять время на ненужные детали. Проводите меня, если не возражаете, в вашу комнату, и там вы по возможности точно перескажете все то, что слышали в ночь преступления.

Комната дворецкого помещалась на первом этаже и примыкала к холлу для прислуги. Окна были забраны решетками, а в углу оказалась затворенная дверь, ведущая в подвал. Парсонс педантично указал на свою кровать.

- Я лег в одиннадцать. Мисс Маргрейв поднялась в свою комнату, а леди Аствелл была с сэром Рьюбеном в кабинете в башне.

- Леди Аствелл была у сэра Рьюбена?!. Продолжайте.

- Кабинет расположен как раз над этой комнатой. Когда там говорят, слышны голоса, но нельзя разобрать слов. Я уснул, вероятно, в половине двенадцатого. Было ровно двенадцать, когда меня разбудил звук захлопнутой с силой двери, и я понял, что вернулся мистер Леверсон. Затем я услышал, как над моей головой ходят, и узнал голос мистера Леверсона, который разговаривал со своим дядюшкой. В этот момент я подумал, что мистер Чарльз бы... не скажу, что пьян, но очень раздражен и нарочно старался шуметь вовсю. Он громко кричал в разговоре с сэром Рьюбеном. До меня долетало то одно слово, то другое, но я слышал недостаточно, чтобы понять, о чем идет речь. Вдруг раздался пронзительный крик и глухой стук, будто упал тяжелый предмет или тело. А затем в тишине отчетливо прозвучал голос мистера Леверсона, он вскричал: "Боже мой! Боже мой!" - точно так, как я вам передаю, месье.

Парсонс, поначалу мало расположенный беседовать с Пуаро, вошел во вкус и излагал свою историю с видимым удовольствием. Он ощущал себя искусным рассказчиком. Пуаро всячески подбадривал его.

- Представляю, как вы взволновались!

- Ах, так оно и было, месье. Не то чтобы в тот момент я придавал всему особое значение. Просто подумал, что что-то уронено и мне бы следовало подняться взглянуть. Я встал, чтобы зажечь свет, и налетел в темноте на стул. Наконец отворил дверь и пошел отмыкать другую, которая выходит на площадку. Оттуда начинается лестница. Я стоял под лестницей и еще раздумывал, когда вновь услышал голос мистера Леверсона. Он был наверху и говорил очень естественно и весело. "Ничего плохого, к счастью, - сказал он - Спокойной ночи!" Затем я услышал, как он прошел в свою комнату, насвистывая. Я отправился спать, говоря себе, что это всего лишь упал какой-то предмет, не больше. И я вас спрашиваю, месье, мог ли я заподозрить, что сэра Рьюбена убили, если мистер Леверсон сказал "спокойной ночи" и все такое?

- А вы уверены, что слышали голос именно мистера Леверсона?

Парсонс взглянул на маленького бельгийца почти с жалостью. Тот понял, что, независимо от того, прав он или ошибается, сам Парсонс не имеет никаких сомнений.

- Желаете ли вы, месье, задать мне другие вопросы?

- Мне хотелось узнать вот что: вы любите мистера Леверсона?

- Я... простите, что вы сказали, месье?

- Это очень простой вопрос: вы любите мистера Леверсона?

- Общее мнение прислуги, месье... - Дворецкий остановился.

- Ну, что ж. Отвечайте мне таким образом, если вам это больше нравится.

- Все находят, месье, что мистер Леверсон благородный молодой человек, но недалеко.

- Знаете, Парсонс, хотя я его никогда не видел, у меня самого сложилось похожее мнение.

- Правда, месье?

- А каково ваше мнение... простите, мнение прислуги о секретаре?

- Очень спокойный господин, воспитанный, терпеливый и сделает все, лишь бы никого не беспокоить.

- Вот как?

Дворецкий кашлянул.

- Леди Аствелл, месье, склонна судить несколько поспешно.

- Следовательно, в глазах прислуги преступник мистер Леверсон?

- Никто из нас не хотел бы верить, что это он... мы... короче, мы не считаем его способным на это, месье.

- Мне кажется, однако, что характер у него неуравновешенный, - сказал Пуаро.

Парсонс доверительно приблизился к нему.

- Если вы меня спросите, у кого в доме самый вспыльчивый характер...

Пуаро поднял руку:

- Я бы задал не этот вопрос. Напротив, я бы спросил, у кого в доме самый лучший характер?

Парсонс смотрел на него, раскрыв рот. Но Пуаро решил, что уже достаточно потерял времени с Парсонсом. Дружески кивнув, он оставил его.

Детектив вновь поднялся в большой холл, на минутку остановившись, чтоб поразмыслить. Легкий шум заставил его очнуться. Склонив голову, как воробей, он на цыпочках приблизился к неприкрытой двери с другой стороны холла. Остановился по пороге и заглянул.

Это оказалась маленькая библиотека. В наиболее удаленной от двери части ее молодой человек, худой и бледный, сидя за обширным письменным столом, что-то писал. У него был убегающий назад подбородок и пенсне.

Пуаро наблюдал с минуту, потом обнаружил свое присутствие деликатным кашлем. Молодой человек оторвался от работы и поднял голову. Появление Пуаро не столько испугало его, сколько озадачило. Детектив сделал несколько шагов вперед и проговорил со своим обычным утрированным поклоном:

- Вы месье Трефузиус, не так ли? Меня зовут Пуаро, Эркюль Пуаро. Вы, наверно, слышали обо мне?

- О! Ну, конечно, - проямлил молодой человек.

Пуаро внимательно рассматривал его. Оуэну Трефузиусу было около тридцати трех лет, и сразу стало понятно, почему никто не принимал всерьез обвинения леди Аствелл. Мистер Трефузиус относился к категории приличных молодых людей, исполнительных, скромных и обезоруживающе безобидных. Тип человека, с которым обращаются плохо, потому что он ни на кого не смеет обидеться. В этом уверены заранее.

- Вас прислала леди Аствелл? Она сообщила, что собирается сделать это. Могу я вам быть чем-нибудь полезен?

- Гм... А говорила ли леди Аствелл вам о своих подозрениях?

- Что касается этого, - со слабой улыбкой отозвался Трефузиус, - то я знаю, она подозревает меня. Абсурд, но это так. После смерти сэра Рьюбена она почти со мною не разговаривает, а когда мы сталкиваемся в доме, даже прижимается к стене.

Он держался совершенно естественно, скорее, забавляясь ситуацией, чем огорчаясь. Казалось, искренность Пуаро располагала и его к ответной сердечности.

- Представьте, мне она заявила то же самое! Я с ней не спорил. Взял за право никогда не пререкаться с такими безапелляционными особами. Пустая трата времени.

- Вы правы.

- Поэтому я лишь повторял: да, мадам; вот именно, мадам; совершенно верно, мадам. Эти слова ничего не выражают и в то же время успокаивают. У меня собственные изыскания. Между нами говоря, мне кажется почти невероятным, чтобы кто-то, кроме Леверсона, мог совершить это преступление. Однако... в общем, в нашей практике случалось и так, что невозможное все-таки происходило.

- Очень хорошо понимаю ваши сомнения, - корректно произнес секретарь. - Прошу считать, что я целиком в вашем распоряжении.

- Отлично, - проговорил Пуаро. Мы с полуслова понимаем друг друга. Теперь поведайте мне не спеша о событиях того вечера. Лучше начать с ужина.

- Как вы наверняка уже знаете, мистер Леверсон не ужинал дома. Они с дядей крупно поссорились, и он отправился ужинать в клуб. Сэр Рьюбен весь вечер пребывал в мрачном расположении духа.

- Не очень-то легкий характер был у вашего хозяина, - подсказал Пуаро.

Трефузиус невесело усмехнулся.

- По правде говоря, ужасный! Я служу у него девять лет и изучил все его штучки. Человек с невыносимым нравом, месье Пуаро. Он впадал в приступы ярости, как избалованный ребенок. И тогда оскорблял каждого, кто к нему приближался. Я-то, в конце концов, этому притерпелся, не обращал ни малейшего внимания, что бы он ни

говорил. В глубине души он не был злым, но случилось, что от гнева просто терял рассудок, приводя в отчаяние окружающих. Единственно, что надо было делать - это не отвечать ему ни слова.

- А остальные домашние? Обладают ли они подобной рассудительностью?

- Леди Аствелл, пожалуй, даже любила громкие сцены. Она ни чуточки не боялась своего мужа, всегда давала отпор и отвечала порой очень метко. Вскоре они помирились Сэр Рьюбен был глубоко привязан к ней.

- Ссорились ли супруги в тот вечер?

Трефузиус бросил несмелый взгляд в сторону собеседника и ответил не сразу.

- Полагаю, что да. Почему вы об этом спросили?

- Естественно, я не знал об этом, - объяснил Пуаро, - но все представляется мне так, как если бы они повздорили.

Он искусно перевел разговор на другую тему.

- Кто еще был за ужином?

- Мисс Маргрейв, мистер Виктор Аствелл и я.

- Как прошел остаток вечера?

- Мы перешли в гостиную. Сэр Рьюбен не последовал за нами. Он ворвался туда минут через десять, чтобы устроить мне нагоняй из-за какой-то чепуховой обмолвки в письме. Я поднялся вместе с ним в кабинет в башню и исправил то, что требовалось. Потом вошел мистер Виктор Аствелл и объявил, что желает говорить с братом наедине. Я возвратился в гостиную к дамам. Не прошло, однако, и четверти часа, как сэр Рьюбен принялся трезвонить, и Парсонс передал мне, чтобы я немедленно шел к сэру Рьюбену. Когда я переступал порог кабинета, мистер Виктор Аствелл оттуда выходил. Он так толкнул меня, что я еле устоял. Видно было, что он взбудоражен. Это очень импульсивный человек. Думаю, он меня даже не заметил.

- А сэр Рьюбен ничего не сказал вам по этому поводу?

- Он пробормотал: "Виктор спятил. Не удивлюсь, если на днях он убьет кого-нибудь в приступе ярости"

- Вот как? У вас есть какие-либо соображения, что могло привести его в невменяемое состояние?

- Увы, никаких.

Пуаро не спеша повернул голову и бегло взглянул на секретаря. У него сложилось впечатление, что Трефузиус сказал больше, чем первоначально хотел. Но и на этот раз Пуаро не пожелал настаивать.

- Что же последовало дальше? Продолжайте, пожалуйста.

- Я работал с сэром Рьюбеном над бумагами около полутора часов. В одиннадцать пришла леди Аствелл, и сэр Рьюбен сказал мне, что я могу быть свободен.

- И вы ушли?

- Да.

- Сколько времени, по-вашему, леди Аствелл оставалась наедине со своим мужем?

- Даже не представляю. Ее комната на втором этаже, моя - на третьем. Я не мог слышать, когда она вернулась к себе.

- Понятно. - Пуаро стремительно встал. - Теперь проводите меня в башню.

Секретарь безмолвно прошел вперед. Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, дошли до самого конца коридора, где находилась обитая дверь, которая выходила на площадку еще одной, маленькой лестницы. Лесенка привела их к другой двери, и они оказались на месте преступления: в кабинете в башне.

Это был обширный зал, его потолки представлялись вдвое выше, чем во всем остальном доме. Стены украшало оружие дикарей: стрелы, копья, кинжалы. Вообще вокруг были развешаны в изобилии разные диковинки, почти все африканского происхождения. Письменный стол занимал оконный проем. Пуаро сразу направился к нему.

- Именно здесь нашли сэра Рьюбена?

Трефузиус молча утвердительно кивнул.

- Если я правильно понял, его ударили сзади?

- Его ударили одной из этих палиц, - пояснил секретарь. - Они ужасно тяжелые. Смерть, очевидно, наступила мгновенно.

- Это подтверждает мысль, что преступление непреднамеренное. Крупная ссора, кто- кто хватает почти бессознательно первое попавшееся орудие...

- Да. Но это отягчает обвинение против бедняги Леверсона.

- Труп нашли склонившимся вперед, на письменный стол?

- Нет. Он упал на пол, боком.

- Это весьма любопытно, - произнес Пуаро.

- Почему любопытно? - тотчас заинтересовался Трефузиус.

- А вот почему, - охотно отозвался Пуаро, указывая пальцем на запекшееся пятно неправильной формы на полированной поверхности стола. - Это кровь, мой друг.

- Может быть, просто брызги? Их могли оставить позже, когда уносили труп.

- Возможно, возможно, - не отрицал маленький бельгиец. - Есть в комнате другая дверь, кроме той, в которую мы вошли?

- Вот здесь. Видите, где лестница?

Трефузиус отдернул штору, которая драпировала самый близкий к двери угол кабинета. Оттуда узкая лестница вела на верхний этаж.

- Первоначально башенку построили для любителя-астронома, Винтовая лестница ведет в круглую комнату, где у него некогда стоял телескоп. А сэр Рьюбен устроил там себе вторую спальню и иногда ночевал в ней, если засиживался допоздна.

Пуаро легко взбежал по ступенькам. Круглая комнатка была обставлена самой незамысловатой мебелью: раскладная кровать, стул и туалетный столик. Он заметил, что другого выхода из комнаты не существовало, и удовлетворенный спустился в кабинет, где его ждал Трефузиус.

- Вы слышали, когда вернулся мистер Леверсон?

- Нет. В это время я уже крепко спал.

Пуаро не спеша обошел кабинет.

- Ну, что ж, - процедил он наконец. - Думаю, здесь больше ничего интересного нет. Хотя... не будете ли вы любезны задержать шторы?

Трефузиус с привычной расторопностью сдвинул тяжелые бархатные занавеси перед окном.

Пуаро зажег верхний светильник, прикрытый стеклянным шаром, свисающим с потолка.

- В исправности, конечно, и настольная лампа? - спросил он.

Секретарь включил массивную настольную лампу с абажуром зеленого стекла, которая стояла на письменном столе. Пуаро потушил плафон, потом несколько раз зажигал и гасил его.

- Хорошо, - сказал он. - Здесь я окончил. Спасибо за вашу помощь, мистер Трефузиус.

- Всегда рад служить, - ответил секретарь. - Ужин в семь тридцать, сэр.

В задумчивости Пуаро отправился в отведенную ему комнату и нашел там исполнительного Джорджа, который уже распаковывал вещи своего хозяина.

- Мой милый Джордж, - произнес Пуаро спустя несколько минут. - Я очень надеюсь встретить сегодня за ужином некоего господина, который меня весьма интригует. Человека, который вернулся из тропиков, Джордж, и обладает тропическим темпераментом, как утверждают окружающие. Человека, о котором Парсонс рвался рассказать мне, а вот мисс Маргрейв не упомянула вовсе. У покойного сэра Рьюбена был препаршивый характер, Джордж. Предположим, что такой горячка, как он, оказался рядом с другим, еще более запальчивым субъектом. Вполне мог произойти взрыв, как думаете?

- Не обязательно, месье.

- Не обязательно?

- Нет, то есть да, месье. У меня была тетушка Джемина, с языком змеи, настоящая мегера. Она мучила свою бессловесную сестру, которая жила вместе с ней, это было ужасно. Чуть не уморила ее своей злобой. А вот если ей осмеливались давать отпор, тогда совсем другое дело! Она тотчас присмирееет, настоящая овечка! Чего она совершенно не выносила, так это тихонь. Тех, кто ей потакал.

- Вот как? - пробормотал Пуаро. - В самом деле, этот пример наводит на размышления.

Джордж кашлянул, как бы заранее извиняясь.

- Могу ли я чем-нибудь помочь вам, месье? - спросил он.

- Конечно, милый Джордж. Я хотел бы знать, какого цвета было платье на мисс Маргрейв вечером, когда произошло убийство. И кто из горничных прислуживает ей.

Джордж выслушал инструкции с обычным непроницаемым видом.

- Очень хорошо, месье. Вы получите эти сведения завтра утром.

- Вы чрезвычайно ценный для меня человек, Джордж, - сказал Пуаро, вперившись в огонь в камине. - Поверьте, отныне я буду держать в голове вашу тетушку Джемину.

В конце концов в этот вечер Пуаро так и не удалось встретиться с Виктором Аствеллом. Тот задерживался в Лондоне и предупредил об этом по телефону.

- Он распутывает дела, которые остались после вашего мужа? - спросил Пуаро у леди Аствелл.

- Виктор один из компаньонов фирмы. Он и в Америку ездил, чтобы изучить постановку дела каких-то горнорудных концессий. Ведь это связано именно с шахтами. Лили?

- Да, мадам.

- Мне кажется, с золотыми приисками. А может, медь или олово? Вы-то должны знать. Лили, досконально. Сэр Рьюбен еле успевал отвечать на кучу ваших вопросов об этом! О, осторожнее, моя дорогая. Вы чуть не опрокинули вазу!

- Здесь становится так жарко, когда топят камин, - нервно отозвалась девушка. - Вы разрешите открыть ненадолго окно?

- Если хотите, дорогая.

Пуаро проследил взглядом, как девушка распахнула раму и высунулась наружу, чтобы подышать свежим воздухом из сада. Когда она вернулась за стол, он любезно осведомился:

- Вы интересуетесь шахтами, мадемуазель?

- О, нет. Не слишком. Я слушала сэра Рьюбена вполуха и мало что запомнила, - легко отозвалась Лили.

- Тогда вы маленькая притворщица, - заметила с улыбкой леди Аствелл. - Бедный Рьюбен даже заподозрил, что у вас есть особые причины атаковать его вопросами.

Детектив упорно не сводил глаз с пылающего камина, однако от него не укрылось, как вспыхнуло лицо Лили Маргрейв. Он незаметно переменял тему разговора.

Когда пришло время расходиться на ночь. Пуаро обратился к леди Аствелл:

- Могу я задержать вас на несколько слов, мадам?

Тактичная Лили Маргрейв тотчас вышла из комнаты. Леди Аствелл выжидающе взглянула на детектива.

- Мадам, вы последний человек, который видел сэра Рьюбена живым?

У нее навернулись слезы, и, кивнув, она поднесла к глазам платочек, отделанный черным кружевом.

- Не плачьте, прошу вас, мадам!

- Вам легко это сказать, месье Пуаро. Я просто не могу остановиться.

- Я трижды глуп, что огорчаю вас!

- Нет, нет, ничего. Продолжайте. Что вы хотели спросить?

- Было около одиннадцати, не правда ли, когда вы вошли в кабинет в башне и сэр Рьюбен отослал Трефузиуса.

- Кажется да.

- Сколько времени вы пробыли с сэром Рьюбеном?

- Было ровно без четверти двенадцать, когда я вошла в свою комнату. Я запомнила это, потому что ненароком взглянула на часы.

- Леди Аствелл, будете ли вы настолько добры, чтобы сказать мне, о чем вы беседовали с вашим мужем?

Теперь она разрыдалась по-настоящему и упала головой на диван.

- Мы... мы поссорились, - простонала она.

- Из-за чего? - ласково спросил Пуаро.

- Ах, из-за кучи вздора. Началось с Лили. Рьюбен готов был невзлюбить и ее. Конечно, без причины. Он утверждал, что застал ее, когда она рылась в его бумагах. Требовал ее уволить. Тогда я заявила, что она славная девочка и я этого не допущу. Он повысил голос, я тоже уперлась на своем и высказала все, что о нем думаю. На самом деле я вовсе этого не думаю, месье Пуаро! Он ответил, что вытащил меня из канавы, чтобы жениться на мне, а я ему сказала... Но теперь какое это все имеет значение? Понимаете, я всегда себя уверяла, что хорошая семейная ссора только очищает воздух. Если бы я знала, что его убьют в ту самую ночь! Бедный мой старина Рьюбен!

Пуаро выслушал отчаянную тираду с сочувствием.

- Я причинил вам боль, простите меня за это, сказал он. - Попытаемся взглянуть на все практически, стать обеими ногами на землю. Вы по-прежнему убеждены, что вашего мужа убил мистер Трефузиус?

Леди Аствелл выпрямилась.

- Месье Пуаро, инстинкт женщин не обманывает.

- Конечно, конечно, - поспешил Пуаро. - Но вот вопрос, в какой момент он это делал?

- Ну, разумеется, потом. Когда меня уже не было в кабинете.

- Вы покинули сэра Рьюбена без четверти двенадцать. Мистер Леверсон возвратился домой без пяти двенадцать. Вы думаете, что за десять минут секретарь, который был в своей комнате, вернулся в кабинет и совершил убийство?

- Вполне возможно.

- Сколько всяких возможностей вокруг, - меланхолически пробормотал Пуаро. - Да, пожалуй, успеть можно. Но вот сделал ли он это?

- Безусловно, теперь он клянется, что лежал в своей постели и сладко спал. Но кто может знать, так ли это?

Пуаро напомнил, что никто из домашних в этот час не видел Трефузиуса и на ногах

- Никто не видел, потому что все спали, - торжествующе сказала леди Аствелл.

"Это еще вопрос", - подумал Пуаро, а вслух сказал:

- Ну, что ж Я удовлетворен Спокойной ночи, мадам.

Джордж поставил возле кровати своего хозяина поднос с дымящимся утренним кофе.

- Если позволите, месье, на мисс Маргрейв вечером, когда произошло убийство, было бледно-зеленое платье из шелкового муслина.

- Благодарю, Джордж. Вижу, что могу рассчитывать на вас

- Мисс Маргрейв обслуживает третья горничная, ее зовут Глэдис.

- Еще раз спасибо. Вы прямо-таки сокровище!

- Что вы, месье!

- Сегодня хорошая погода, - сказал Пуаро, взглянув на окно. - Но навряд ли кто-нибудь поднимется слишком рано. Думаю, Джордж, кабинет в башне будет в нашем полном распоряжении, если мы захотим провести маленький эксперимент.

- Я вам понадоблюсь, месье?

- Вот именно. Эксперимент абсолютно безболезненный. Шторы еще не были раздернуты, когда они поднялись в кабинет в башне Джордж хотел раздвинуть их, но Пуаро остановил его:

- Оставим комнату, как она есть. Зажгите только настольную лампу.

Джордж повиновался.

- А теперь, мой дорогой, садитесь в это кресло. Устраивайтесь так, как будто бы вы пишете. Я тем временем подкрадусь, возьму эту палицу и ударю вас по голове. Вот так.

- Да, месье, - бесстрастно проговорил слуга.

- Но когда я ударю, перестаньте писать. Вы ведь понимаете, я не могу воспроизвести все совершенно точно. Не могу ударить вас с той силой, с какой убийца ударил сэра Рьюбена. Когда мы дойдем до этого момента, вам придется притвориться убитым. Я легонько стукну, а вы сползете в кресле вот так руки вытянуты, тело обмякло. Дайте-ка покажу. Нет, нет, не напрягайте мышцы, - Пуаро вздохнул. - Джордж, вы прекрасно гладите мои брюки, но у вас маловато воображения. Придется мне вас заменить в кресле.

И Пуаро сел перед письменным столом.

- Я занят, пишу. И думаю только об этом. А вы подкрадываетесь бесшумным волчьим шагом сзади и ударяете меня по голове. Бах! Я опрокидываюсь вперед. Но не очень далеко вперед, потому что кресло низкое и, кроме того, мне мешают мои руки. Вернитесь к двери, оставайтесь там и скажите мне, что вам оттуда видно.

- Гм...

- Начинайте, начинайте

- Я вижу, месье, что вы сидите за письменным столом.

- Прекрасно, сижу за столом.

- Трудно точно разглядеть. Тут далеко и абажур плотный. Если позволите зажечь плафон... - Джордж протянул руку к выключателю.

- Нет, нет! - вскричал Пуаро. - Мы прекрасно обойдемся и так. Вот я склонился над столом, а вы стоите около двери. Идите вперед, Джордж. Идите и положите мне на плечо руку. Немного нажмите на плечо, как будто стремитесь сохранить равновесие. Вот так.

Когда Джордж отпустил его, Пуаро свалился на бок именно в том положении, которое было нужно.

- Я падаю... Так и есть! Да, это недурно придумано. А теперь сделаем еще более важную вещь. Мне необходимо плотно позавтракать!

И маленький детектив расхохотался, довольный своей шуткой.

- Никогда нельзя пренебрегать желудком, Джордж!

Пуаро спустился вниз, продолжая посмеиваться. Он был вполне доволен поворотом событий.

После завтрака он познакомился с Глэдис, третьей горничной. То, что она ему рассказала, очень его заинтересовало. Она была полна симпатии к Чарльзу, хотя его виновность не вызывала и у нее сомнений.

- Бедный молодой человек, - сказала она. - Ему, конечно, очень тяжело, месье, особенно потому, что он в тот момент был, можно сказать, не в себе.

- Они, вероятно, отлично ладили с мисс Маргрейв? Единственные молодые люди во всем доме.

- Мисс Маргрейв держала его на расстоянии, - произнесла Глэдис, покачав головой. - Она не хотела никаких историй и ясно дала это понять.

- Она ему очень нравилась?

- О, так себе. Слегка, как говорится. Ничего серьезного. Мистер Виктор Аствелл - вот тот прямо без ума от мисс Лили, - добавила Глэдис, глуповато посмеиваясь.

- Неужто?

Глэдис снова захихикала.

- Он в нее сразу втюрился. А что, мисс Лили в вправду раскрасавица. Настоящая лилия, правда ведь, месье? Стройенькая и волосы золотистые, густые.

- По вечерам ей надо надевать бледно-зеленое платье, - проговорил Пуаро мечтательно. - Существует один оттенок зеленого...

- А у нее есть как раз такое платье, - сразу оживилась Глэдис. - Из-за траура его сейчас нельзя надевать, но оно было на ней в тот вечер, когда убили сэра Рьюбена.

- Видите, ей нужен именно нежно-зеленый тон, ничего темного. Как бы это вам объяснить?

- Платье и есть точь-в-точь такое, месье. Подождите минутку, я вам его покажу. Мисс Лили не заругается, она ушла гулять с собаками.

Пуаро был осведомлен об этом не хуже ее. Он начал поиски горничной только после того, как увидел Лили выходящей из дома. Глэдис умчалась стрелой и также быстро вернулась, неся платье на плечиках.

- Великолепно! - воскликнул Пуаро, вскинув в восхищении руки. - Дайте на секундочку, хочу разглядеть на свету.

Он взял платье и проворно подошел к окну, наклонился, внимательно изучая шелковистую ткань. Затем протянул горничной обратно.

- Оно в самом деле восхитительно, - сказал он. - Тысяча благодарностей, что показали мне его.

- Не за что, месье. Я всегда говорю, что французы знают толк в дамских нарядах!

- Вы очень любезны, милая Глэдис!

Он проводил ее глазами, когда она упорхнула с платьем, и улыбнулся. Его правая ладонь скрывала крошечные ножнички и совершенно уже миниатюрный лоскуток зеленого муслина, отрезанный с большой аккуратностью. "А теперь будем героем", - сказал он сам себе.

Возвратившись в свою комнату, он кликнул Джорджа:

- Мой славный Джордж, найдите на туалетном столике золоченую булавку для галстука.

- Да, месье.

- А на умывальнике флакончик с эфиром. Теперь обмакните кончик булавки в эфир.

Джордж пунктуально выполнил приказание. Он уже давно перестал удивляться причудам своего хозяина.

- Готово, месье.

- Отлично. Подойдите поближе. Я протягиваю палец, воткните в него острие булавки.

- Простите, месье, но... вы хотите, чтобы я уколол вас?

- Вот именно. Мне нужно, чтобы появилась малюсенькая капля крови.

Джордж ухватил его за палец, а Пуаро зажмурился и отвернул голову. Когда слуга воткнул кончик булавки, Пуаро слабо вскрикнул.

- Спасибо, вы проделали это великолепно. - С этими словами он вынул из кармана лоскуток и обтер им кровь с пальца. - Опыт полностью удался, - объявил торжественно. - Взгляните-ка.

Но Джордж смотрел в окно.

- Простите, месье. Какой-то господин прикатил в большом автомобиле.

- Ах, ну, это, скорее всего, вспыльчивый мистер Виктор Аствелл! Спущусь познакомиться с ним, - и он поспешно вышел вон.

Голос мистера Аствелла раздался намного раньше, чем возник он сам. Из холла неслась отборная брань.

- Да потрудитесь же взглянуть, что вы делаете, идиот! Стекло в ящике, стекло! Черт подери, Парсонс, убирайтесь оттуда! Поставьте на пол, болван! Безмозглое животное!

Пуаро задержался на лестнице и спускался очень медленно. С отменной вежливостью он поклонился великану, который и был Виктором Аствеллом.

- А вы здесь какого дьявола?..

Пуаро вновь поклонился:

- Меня зовут Эркюль Пуаро, мистер Аствелл.

- О, господи... Значит, Нэнси вас все-таки приволокла? - прорычал он.

Положив медвежью руку на плечо Пуаро, он почти втолкнул его в библиотеку.

- Так вы и есть тот самый тип, о котором столько шуму? - Он бесцеремонно разглядывал маленького детектива с головы до ног. - Впрочем, не обращайтесь внимания на мои крепкие выражения. Шофер осел, а старый кретин Парсонс постоянно действует мне на нервы. Я плохо переношу дураков, месье Пуаро! Счастлив, что вы не относитесь к их категории, - уже более любезно закончил Виктор Аствелл.

- Те, кто думал обратное, впоследствии сожалели о своей ошибке, - спокойно произнес Пуаро.

- Так, так. Нэнси притащила вас сюда, потому что вбила себе в голову всякие дурацкие идеи относительно секретаря Рьюбена. Они ни в какие ворота не лезут! Трефузиус безволен, как тряпка. Убежден, он пьет одно молоко. Принципиальный противник алкоголя, видите ли. Ей-богу, вы только зря потеряете время.

- Когда наблюдаешь человеческую натуру, время никогда не тратится впустую, - миролюбиво заметил Пуаро.

- Что? Человеческую натуру? Ах, вот что! - Виктор взглянул не без иронии и небрежно развалился в кресле. - Я могу быть вам полезен?

- Разумеется. Если объясните повод к ссоре с вашим братом накануне его смерти.

Виктор Аствелл нетерпеливо мотнул головой.

- Это вовсе не относится к преступлению.

- Вы абсолютно убеждены?

- Естественно. Раз не имеет связи с Чарльзом Леверсоном.

- Леди Аствелл уверена, что сам Чарльз Леверсон не имеет связи с преступлением.

- Ах, эта Нэнси!..

- Парсонс непоколебимо стоит на том, что в ту ночь поздно вернулся домой именно Чарльз Леверсон, но он его не видел. Да, собственно, и никто не видел.

- В этом вы ошибаетесь, - сказал Аствелл. - Его видел я.

- Вы?!

- Ах, да все очень просто. Рьюбен здорово допек Чарльза, надо признать, что не без причины. Потом принялся за меня. Я выложил все, что о Нем думаю, и, чтобы позлить, принял сторону Чарльза. Потом решил, что стоит повидать Чарльза этой же ночью, рассказать, чем все кончилось. Поднявшись в спальню, я не стал ложиться, оставил дверь приоткрытой и ждал его, покуривая сигару. Наши комнаты на третьем этаже соседние.

- Простите великодушно, что прерываю. А мистер Трефузиус тоже живет на третьем этаже?

- Да, - ответил Аствелл, - его спальня сразу после моей.

- Ближе к лестнице?

- Да нет, с другой стороны.

Странный огонек вспыхнул во взгляде Пуаро, но его собеседник ничего не заметил и спокойно продолжал:

- Как я вам уже сказал, я поджидал Чарльза. Входной дверью он хлопнул примерно без пяти двенадцать, но поднялся на нашу площадку только через десять минут. Едва взглянув на него, я понял, что бесполезно даже пытаться говорить с ним в этот вечер!

В ответ на его выразительный жест - щелчок по собственному горлу. - Пуаро пробормотал:

- Понятно...

- Бедняге никак не удавалось держаться прямо, ноги у него подгибались. Тогда-то я объяснил это себе просто. Но, оказывается, дело было в том, что он только что совершил преступление!

Пуаро тотчас спросил:

- А никакого шума в этот момент из кабинета в башне вы не слышали?

- Да нет. Вы забываете, что я ведь был на противоположной стороне дома. Стены толстые, едва ли услышишь и выстрел из башни. Я спросил у Чарльза, не надо ли ему помочь? Но он ответил, что до постели доберется и сам. Вошел в свою спальню и хлопнул дверью. Я разделся и тоже лег спать.

Пуаро задумчиво разглядывал ковер.

- Сознаете ли вы всю важность вашего заявления, мистер Аствелл? - спросил он, отрывая наконец взгляд от пола.

- Да. Впрочем- Собственно, что вы имеет в виду?

- Согласно этому заявлению между тем моментом, когда Леверсон хлопнул дверью у входа, и тем, когда он появился на третьем этаже, прошло десять минут. Насколько мне известно, сам он утверждает, что, возвратившись в дом, сразу же поднялся наверх и лег в кровать. Но есть и еще одно. Я допускаю, что обвинение, выдвинутое леди Аствелл, фантастично. Однако, что оно полностью абсурдно, надо было еще доказать. А ваше заявление подтверждает полное алиби секретаря.

- То есть как?

- Охотно объясню. Леди Аствелл говорит, что покинула своего мужа без четверти двенадцать, а секретарь поднялся к себе в одиннадцать. Следовательно, единственный промежуток, когда тот мог бы совершить свое преступление, это время между без четверти двенадцать и возвращением мистера Леверсона. Если же, исходя из ваших слов, ваша дверь была приоткрыта, Трефузиус не мог выбраться из своей комнаты, не будучи замечен вами.

- Действительно, - пробормотал Виктор Аствелл.

- А другой лестницы не имеется?

- Нет. Чтобы оказаться в башне, у него не было другого пути, как мимо моей двери. А он не проходил. Да в любом случае он мямля! Это не для него, уверяю вас!

- Да, да. Я уже понял. У вас по-прежнему нет желания открыть мне причину вашей ссоры с сэром Рьюбеном?

Виктор Аствелл побагровел:

- Вы от меня ничего не добьетесь!

Пуаро рассеянно обозревал потолок.

- Я умею хранить тайны, - многозначительным шепотом сказал он. - Особенно если речь идет о женщине.

Аствелл вскочил.

- Черт побери! Откуда вы это взяли? На что намекаете?

- Я имею в виду мисс Лили Маргрейв, - размеренно произнес Пуаро.

Виктор Аствелл секунду потоптался в нерешительности, затем нормальный цвет лица к нему вернулся, и он сел.

- Кажется, для меня вы чересчур проникательны, месье Пуаро. Что ж, мы с Рьюбеном в самом деле поссорились из-за Лили. Он был разозлен на нее. Все равно я ничему не верю. Но он перешел все границы, он заявил, будто она по ночам выходит тайком из дому, чтобы встречаться с мужчинами! Ну, тут я его поставил на место! Сказал, что и за меньшее пристреливал людей на месте. А они были покрепче его. Он прикусил язык. Вообще Рьюбен побаивался меня, когда на меня накатит бешенство.

- Поверьте, это меня не удивляет, - любезно вставил Пуаро.

- Я очень хорошо отношусь к Лили Маргрейв, - с вызовом продолжал Аствелл. - Она во всех отношениях замечательная девушка.

Пуаро не отозвался. Он сидел погруженный в свои мысли. Внезапно он очнулся.

- Не худо бы поразмять ноги! Поблизости есть какая-нибудь гостиница?

- Даже две, - озадаченно ответил Аствелл. - Гостиница "Гольф", рядом с площадкой для гольфа, наверху. И гостиница "Митра", внизу, около вокзала.

- Благодарю. Мне просто необходимо прогуляться.

Гостиница "Гольф", как и следовало ожидать, располагалась напротив клуба игроков в гольф. Пуаро направился туда. У него был определенный план действий. Войдя в гостиницу, он ровно через три минуты получил личную аудиенцию у директрисы мисс Лэнгтон.

- Мне совестно беспокоить вас, мадемуазель, но такова моя профессия. Я детектив.

Иногда он предпочитал самые простые пути. В данном случае эффект сказался сразу.

- Детектив? - испуганно протянула директриса без особой уверенности.

- Я не служу в Скотланд-Ярде, - поспешно объяснил Пуаро. - Вы, видимо, заметили, что я даже не англичанин? Я веду частное расследование обстоятельств гибели сэра Рьюбена.

- Убийство, вы говорите? Ах, вот как!..

Она смотрела на него глазами круглыми, как плоски.

- Ну да, - терпеливо повторил Пуаро. - Разумеется, открыться я могу только надежному человеку, вроде вас. Думаю, мадемуазель, что вы можете мне помочь. Постарайтесь припомнить имя постояльца, который жил у вас в тот день, когда совершилось преступление. Не выходил ли он вечером из гостиницы? Возвратиться он мог около половины первого.

- Но вы ведь не думаете... - начала мисс Лэнгтон и задохнулась от волнения.

- Что у вас жил преступник? Нет. Но у меня есть основания думать, что один из ваших постояльцев в ту ночь прогуливался в направлении виллы "Мой отдых". В таком случае он мог видеть нечто, не имевшее значения для него, но очень ценное для меня.

Директриса покивала головой с многозначительным видом. Словно полностью проникла в смысл логики событий.

- Я вас прекрасно понимаю. Погодите, дайте сообразить, кто же у нас тогда жил? - Она сдвинула брови, вспоминая имена. - Капитан Сванн, мистер Элкинс, полковник Блант, старый мистер Венсон... Нет, месье, не думаю, чтобы кто-нибудь из них выходил в тот вечер,

- Об отлучке любого из них вы бы знали?

- Конечно. Такое случается крайне редко. Когда господа ужинают в другом месте, они отсутствуют не более двух часов. По вечерам тут нечего делать вне гостиницы. Развлечения в Аббате Кроссе ограничиваются гольфом и только им!

- Это верно, - согласился Пуаро. - Итак, насколько вам помнится, никто из жильцов не выходил в тот вечер из гостиницы?

- Не считая капитана Энгланда с женою. Они были приглашены на ужин.

Пуаро покачал головой.

- Я имею в виду не это. Пойду поищу в другом месте. Кажется, название второй гостиницы "Митра"?

- О, "Митра"!.. Вы правы, оттуда любой мог бы прогуливаться по ночам! - Видимо, она не очень жаловала постояльцев "Митры".

Пуаро удалился с безмолвным достоинством.

Спустя десять минут та же сцена повторилась с мисс Коул, управлявшей гостиницей "Митра". Гостиница оказалась более дешевой и, следовательно, менее претенциозной. Она располагалась вблизи вокзала.

- В тот вечер один господин действительно долго не возвращался. Кажется, около половины первого. У него, знаете, такая привычка, гулять по ночам. Один или два раза с ним это уже случалось. Постойте, как же его звали? Не могу припомнить.

Она перелистала страницы в большой книге, бормоча:

- Двенадцатый... двадцатый... двадцать первый... двадцать второй... А, вот. Нэйлор, капитан Хэмфри Нэйлор.

- Он раньше останавливался у вас? Вы хорошо его знали?

- Приезжал один раз, примерно за две недели до этого. Припоминаю, что и тогда он уходил ночью.

- Он приезжал ради гольфа?

- Думаю, да. Гольф привлекает сюда большинство наших клиентов.

- Резонно, резонно... Ну, что же, мадемуазель, сердечно благодарен. Разрешите откланяться, - сказал Пуаро, уходя.

Детектив вернулся в "Мой отдых" с самым озабоченным видом. По дороге он несколько раз доставал из кармана некий маленький предмет и рассматривал его. "Надо решаться, - бормотал он. - И побыстрее, при первой же возможности.

Первой его заботой было спросить у Парсонса, где можно найти мисс Маргрейв? Парсонс ответил, что она в маленьком кабинете за разборкой корреспонденции леди Аствелл. Пуаро без труда нашел указанную ему комнату. Лили Маргрейв писала, сидя за столом возле окна. Она была одна. Пуаро плотно прикрыл за собой дверь и приблизился к девушке.

- Не могли бы вы уделить мне несколько минут, мадемуазель?

- С удовольствием.

Лили отодвинула бумаги, лежавшие перед нею, и с готовностью повернулась к Пуаро.

- Чем могу быть полезной?

- Мадемуазель, если я правильно понял, в тот вечер, когда произошла драма, вы отправились спать тотчас, как леди Аствелл ушла к мужу?

- Да.

- А еще раз вы, случайно, не спускались вниз?

- Нет.

- Мне кажется, вы также говорили, что ни в один из моментов этого вечера вы не появлялись в кабинете в башне?

- Не помню, чтобы я говорила это, но тем не менее это соответствует действительности: я там не была.

Пуаро поднял брови.

- Странно, - пробормотал он.

- Что именно?

- Все странно. Как вы объясните, к примеру, вот это?

Он неторопливо достал из кармана зеленый лоскуток муслина, запачканный кровью, и протянул его Лили, чтобы она могла разглядеть хорошенько.

Лицо ее не изменилось, но детектив уловил учащенное дыхание.

- Простите. Я не понимаю.

- Если не ошибаюсь, мадемуазель, на вас в тот вечер было платье из шелкового муслина. Это лоскуток от него.

- И вы его нашли в кабинете в башне? В каком же месте? - быстро проговорила девушка.

Пуаро, по обыкновению, безмятежно разглядывал потолок.

- Пока ограничимся констатацией: в кабинете в башне.

Впервые во взгляде Лили промелькнуло выражение страха. Она хотела что-то сказать, но сдержалась. Пуаро смотрел теперь на ее белые тонкие руки, сжимавшие край стола.

- Пытаюсь припомнить, была ли я там в тот вечер? - Она как бы размышляла вслух. - Почти убеждена, что нет. Но если лоскут валялся там уже давно, как же полиция не обнаружила его? Это невероятно.

- Полиция не думает о многих вещах, о которых привык думать Эркюль Пуаро, мадемуазель!

- Не забегал? ли я туда на минутку перед обедом? - продолжала Лили тем же задумчивым тоном. - Или это было накануне? Да, теперь я почти уверена, что это было накануне.

- Сомневаюсь, - отрезал Пуаро.

- Почему?

Не отвечая, он только отрицательно качал головой.

- Не хотите ли вы сказать... - строптиво начала Лили. Она подалась вперед, пристально глядя на него, бледная как смерть.

- Вы не заметили на лоскутке пятно, мадемуазель? Это человеческая кровь.

- Что вы говорите?!

- Я говорю, что вы заходили в кабинет в башне после преступления, а не до него. Думаю, для вас будет лучше доверить мне всю правду. Иначе вас ждут крупные неприятности.

С грозным видом он выпрямился во весь свой маленький рост, его палец, направленный на нее, сурово грозил.

- Но как вы узнали?.. - прошептала упавшим голосом Лили.

- Не имеет значения. Эркюль Пуаро ЗНАЕТ, этого довольно. Не скрыто от меня и существование капитана Хэмфри Нэйлора. И то, что вы выходили ночью, чтобы повидаться с ним.

Неожиданно Лили уронила голову на вытянутые руки и горько заплакала. Манера поведения Пуаро тотчас изменилась.

- Полно, малютка, не расстраивайтесь так, - мягко сказал он, слегка поглаживая ее по плечу. - Провести Эркюля Пуаро немислимо. Как только вы это уясните, все ваши беды кончатся. Поведайте мне вашу историю. Вам ведь самой хочется облегчить душу перед папашей Пуаро, не так ли?

- Но это совсем не то, что вы предполагаете, совсем не то. Мой брат Хэмфри и пальцем его не коснулся!

- Ваш брат? - нахмурившись, воскликнул Пуаро. - Так вот в чем дело!.. Ну, если вы не хотите, чтобы на него пало подозрение, выкладывайте все без утайки.

Лили подняла голову, отвела волосы, которые упали ей на лоб, и заговорила тихим, но уже вполне твердым голосом:

- Хорошо, я скажу всю правду, месье Пуаро. Было бы безумием не сделать этого. Мое подлинное имя Лили Нэйлор, Хэмфри мой единственный брат. Несколько лет назад в Африке он открыл золотой прииск. Вернее, наткнулся на жильное золото. Эту сторону дела я не смогу передать с достаточной точностью, я не сильна в технических подробностях. Суть сводится к тому, что хорошо поставленное дело могло бы принести огромные прибыли. Хэмфри вернулся с письмом к сэру Рьюбену Аствеллу, которого надеялись заинтересовать этим предприятием. Я до сих пор не разобралась в правах каждого из участников, но знаю, что сэр Рьюбен отправил туда своего эксперта с целью получить достоверный отчет. Моему брату он сказал, что отзыв эксперта отрицательный и что он, Хэмфри, ошибся в своих предположениях. Брат вернулся в Африку с экспедицией, которая направлялась в глубь континента и следы которой вскоре затерялись. Предполагали, что все погибли, и мой брат в том числе.

А спустя совсем немного времени была создана солидная компания по разработке золотого месторождения в районе Мпалы. Когда брат все-таки возвратился в Англию, он-то знал, что открытие принадлежит ему! Официально сэр Рьюбен не имел отношения к новой компании, его средства не были в нее вложены. Но это не убедило Хэмфри, он повторял мне, что сэр Аствелл безбожно обманул его. Такое вероломство совершенно сломало брата, он стал желчным и глубоко несчастным неудачником. У нас с ним больше никого на свете нет, помочь нам некому. Когда возникла необходимость мне самой зарабатывать на жизнь, я подумала: а почему бы не попытаться поступить на службу к леди Аствелл? Она как раз искала секретаря-компаньонку. Может быть, удастся выяснить наконец, имеет ли сэр Рьюбен отношение к злосчастной афере? По вполне понятным причинам я изменила фамилию и - честно признаюсь вам - представила поддельные рекомендации. Кандидаток на место оказалось много, и все более квалифицированные, чем я. Короче говоря, я написала от имени леди Пертпгар убедительное письмо, так как знала, что она только что отправилась путешествовать в Америку и не могла бы уличить меня. -Мне подумалось, что покровительство такой важной дамы произведет впечатление на леди Аствелл. Так и вышло, она выбрала именно меня... С тех пор я и превратилась в то презренное отвратительное существо, которым вы меня видите. Я стала шпионкой, хотя до последних дней неудачливой. Сэр Рьюбен не из тех, кто выдает свои секреты. Но вот из Африки вернулся Виктор Аствелл, а он менее скрытен; я стала склоняться к мысли, что Хэмфри прав. Мой брат приезжал сюда недели за две до убийства, и я в самом деле ускользала по ночам из дому, чтобы повидаться с ним. Узнав то, о чем проболтался мне Виктор Аствелл, он был сильно взбудоражен, твердил, что я на верном пути... Но тут

все пошло вкривь и вкось: кто-то заметил, как я уходила из дому, донес сэру Рьюбену. Тот стал подозрителен, разыскал мои документы, обнаружил фальшивку. В день преступления произошел взрыв. Видимо, он вообразил, что моя цель подобраться к драгоценностям его супруги. Как бы то ни было, он не желал больше терпеть меня в своем доме, хотя согласился не преследовать за подлог рекомендации. Леди Аствелл смело встала на мою защиту и не колеблясь противостояла гневу мужа.

Она смолкла. Пуаро был очень серьезен.

- Теперь, мадемуазель, мы подошли вплотную к ночи убийства, - напомнил он.

Лили понурилась и с трудом проглотила комок в горле.

- Начну с того, что мой брат вновь приехал и мне необходимо было его повидать, как всегда, тайком. Это произошло в ту самую ночь. Я действительно поднялась в свою комнату, расставшись с леди Аствелл, но не легла, а подождала, пока все утихнет в доме. Затем бесшумно спустилась и выскользнула через боковую дверь. Хэмфри узнал от меня обо всех последних событиях. Нужные нам бумаги, сказала ему я, скорее всего в сейфе сэра Рьюбена в его кабинете в башне. Было решено этой же ночью предпринять отчаянную попытку овладеть ими. Я должна была войти первой и удостовериться, что путь свободен. Входя в ту же боковую дверь, я слышала, как пробило полночь. Я поднялась уже до середины лестницы, ведущей в башню, когда оттуда донесся звук падения и чей-то крик: "Боже мой! Боже мой!" Почти тотчас дверь из кабинета распахнулась и выскочил Чарльз Леверсон. При свете луны я ясно его разглядела, но он видеть меня не мог, так как я забилась в самый темный угол под лестницей, гораздо ниже его. Какое-то время он оставался неподвижным, ноги его подгибались, на нем не было лица. Он словно прислушивался. Наконец, сделав над собой невероятное усилие, он вновь приоткрыл дверь в кабинет и что-то крикнул, вроде того, что, мол, ничего особенного не случилось. Голос прозвучал легко и беззаботно. Но лицо!.. О, оно было совсем другим! Он собрался с силами и стал спускаться по лестнице, а затем исчез на площадке третьего этажа.

Я обождала еще несколько минут и проникла в кабинет. Чувство, что произошло нечто ужасное, не покидало меня... Большая лампа не горела, свет шел только от настольного светильника. Я увидела, что сэр Рьюбен распростерт на полу у стола. Не знаю, как у меня хватило духу, но я подошла к нему, встала возле на колени и сразу поняла, что он мертв. Его ударили сзади и совсем недавно, видимо, всего

несколько минут назад. Его рука была еще теплая, когда я к ней прикоснулась. Ах, месье Пуаро! Поверьте, это было ужасно! При одном воспоминании она содрогнулась.

- А потом? - напомнил Пуаро, не спуская с нее глаз.

Лили покаянно опустила голову.

- Да. Я знаю, о чем вы думали. Почему я не подняла тревогу? Не разбудила весь дом? Но тогда же, стоя на коленях у трупа, я сообразила, что цепь фактов неумолимо складывается против меня: сэр Рьюбен относился ко мне плохо, я тайком уходила из дома, и меня, собственно, уже рассчитали, я должна была уехать наутро. Первое, что придет в голову каждому, это то, что я привела в дом брата и именно он убил сэра Рьюбена, чтобы отомстить ему. Кто поверит моим словам, что я подсмотрела, как Чарльз Леверсон выходил из кабинета тотчас после убийства? Все складывалось чудовищно, месье Пуаро! Меня одолевали беспорядочные мысли, как вдруг я увидела ключи от сейфа, наверно, они выпали у сэра Рьюбена из кармана, когда он упал. Шифр я знала, леди Аствелл однажды называла его при мне. Отомкнув сейф дрожащими руками, я стала лихорадочно рыться в бумагах и наконец отыскала то, что было нужно. Да, Хэмфри не ошибся: за компанией месторождений Мпалы стоял сэр Рьюбен! Он бессовестно обокрал моего брата. Но ведь это только ухудшало положение! Значит, у Хэмфри был совершенно определенный повод для убийства, не так ли? Я сунула бумаги на место, оставила ключ в замке сейфа и тотчас убежала к себе. На следующее утро после того, как горничная обнаружила труп, пришлось притвориться изумленной и испуганной, как и все в доме.

Она умоляюще взглянула на Пуаро.

- Вы мне верите, месье? О, скажите, что это так!

- Я вам верю, мадемуазель. Вы объяснили многое из того, что ставило в тупик. Например, откуда шла ваша твердая уверенность, что убийца Чарльз Леверсон, и почему в то же время вы настойчиво стремились отговорить меня от расследования.

- Я боялась, - сказала Лили с большой искренностью. - Откуда леди Аствелл было догадаться, что я совершенно точно знаю, кто совершил преступление? Я вынуждена была молчать. Оставалось надеяться, что вы откажетесь приехать сюда.

- Если бы не ваше странное беспокойство, которое бросилось мне в глаза, так бы и случилось, - задумчиво сказал Пуаро.

Лили мимолетно взглянула на него. Ее по-прежнему была нервная дрожь.

- Что же вы будете делать теперь?

- Что касается вас, мадемуазель, то ничего. Я верю, что вы не солгали, и принимаю вашу версию происшествия. Тем настоятельнее мне следует отправиться в Лондон, чтобы повидать инспектора Миллера.

- А потом?

- Потом? Время покажет.

И Пуаро покинул ее, со старательностью прикрыв за собой двери. "Проницательность Эркюля Пуаро поистине не имеет себе равных!" - не без самодовольства сказал он сам себе.

Инспектор Миллер явно недолго любил Эркюля Пуаро. Он не принадлежал к тем инспекторам Скотланд-Ярда, которые принимают сотрудничество с маленьким бельгийцем, как особую честь и удачу. Напротив, Миллер любил повторять, что заслуги частного детектива слишком преувеличены. Расследование дела виллы "Мой отдых", по его мнению, шло успешно, поэтому приход Пуаро не испортил ему настроения.

- Итак, вы работаете для леди Аствелл? Погоня за призраками?

- А у вас никаких сомнений не возникает?

- Ни малейших. Дело проще простого. Убийца все равно что взят с поличным.

- Надо ли это понимать так, что мистер Леверсон сознался?

- Уже лучше бы он вообще помалкивал! Твердит одно и то же: дядю не видел, сразу поднялся к себе в спальню. Кто ему поверит?

- Похоже, он отрицает очевидность, - согласился Пуаро. - Какое впечатление производит на вас этот молодой человек?

- Простофиля.

- Слабохарактерен?

Инспектор кивнул.

- Почти не верится, что у такого неженки, как он, могло хватить решимости на убийство, - проговорил Пуаро.

- Увы, могу подтвердить, что с похожими случаями мне приходилось сталкиваться и прежде. Возьмите самого бесхребетного субъекта, доведите его до крайности, подогрейте стаканчиком виски - смею заверить, что на короткое время он превратится в отменного храбреца. Слабый человек, когда он считает, что попал в капкан, опаснее любого забияки в буяна!

- В этом я с вами вполне согласен.

Миллер начинал немного оттаивать.

- Впрочем, для вас, месье Пуаро, любая ситуация беспроегрешна: свой гонорар вы получите при любом исходе. Хотя, естественно, постараетесь сделать максимум, чтобы удовлетворить свою нанимательницу леди Аствелл.

- Смотрите-ка, как вы тонко во все вникли, - любезно отозвался Пуаро и самым дружеским образом распрощался с инспектором Миллером.

Следующий визит он нанес адвокату, занимавшемуся делом Чарльза Леверсона. Мистер Мэйхью оказался худощавым человеком, осторожным и сухим в обращении. Он принял Пуаро весьма сдержанно. Но маленький бельгиец обладал особым даром вызвать собеседника на откровенность. Спустя четверть часа он вполне расположил к себе мистера Мэйхью, и они дружески разговорились.

- Вы понимаете, - убеждал Пуаро, - что я действую исключительно в интересах Чарльза Леверсона. Такова воля леди Аствелл: она убеждена, что он невиновен.

- Кто поручится, что завтра ее убежденность диаметрально не изменится на противоположное мнение? - хладнокровно отозвался адвокат. - Согласен, что интуиция еще не доказательство и положение молодого человека, особенно на первый взгляд, почти безнадежно.

Достойно сожаления все то, что он наговорил в полиции. Глупо цепляться за свою смехотворную версию.

- Он и в беседе с вами за нее цеплялся?

- Представьте. Не меня ни одного слова, словно попугай!

- Именно это подорвало ваше доверие к нему? Не отрицайте. В глубине души вы также считаете его виновным. Но послушайте меня, - продолжал настойчиво Пуаро. - Версия, которую я изложу, возможно, окажется тоже приемлемой. Итак, молодой человек возвращается в дом дяди. Он проглотил не один коктейль, да еще подбавил основательно виски с содовой. Его обуревают ложная храбрость, подогретая алкоголем. В таком состоянии он заявляется в "Мой отдых" и, спотыкаясь, поднимается по лестнице, ведущей в башню. Отворяет дверь и видит своего дядюшку в неярком свете настольной лампы. Тот сидит низко наклонившись над письменным столом. Мистер Леверсон, как мы знаем, возбужден выпивкой, жаждет излить накопившиеся обиды и говорит без остановки, раздражаясь все более и более. Молчание дяди распяляет его до крайности! Голос его звучит все громче. Непривычная кротость сэра Рьюбена вселяет в него, однако, смутное беспокойство. Он приближается к сидящему и трогает его за плечо. От этого легкого прикосновения сэр Рьюбен неожиданно падает, а кресло с грохотом опрокидывается. Наш молодой друг мгновенно трезвеет. Наклонившись над телом, он понимает, что произошло, и с испугом смотрит на свою руку, обгавленную теплой красной влагой. Чего бы он не отдал, чтобы минуту назад удержать свой пронзительный крик! Чудится, что эхо его потрясло весь дом. Почти не сознавая, что делает, он машинально поднимает опрокинутое кресло, затем отступает к двери и, как ему кажется, слышит в доме какой-то шум. Это повергает его в панику, и он устраивает несложную инсценировку: разговаривает с сэром Рьюбеном через открытую дверь. Шум не повторяется. Леверсон убеждает себя, что его и не было. Поднявшись к себе в спальню, он решает, что самое безопасное стоять на одном: дядюшку он не видел и к нему в башню не поднимался. Это он и твердит полицейским. Вспомните, Парсонс еще не делал тогда своего признания. А затем для Леверсона отступить было уже невозможно, он не мог изменить показания. Он глуп, упрям и будет держаться за свое. Скажите мне, месье Мэйхью, так ли уж это неправдоподобно с вашей точки зрения?

- Нет, почему же? - осторожно отозвался адвокат. - То, как вы представляете вещи, могло иметь место в реальности.

Пуаро поднялся.

- Вы имеете возможность видеть мистера Леверсона, - сказал он. - Изложите ему все то, что я вам рассказал, и спросите напрямик, не так ли именно и было дело.

Покинув контору адвоката, Пуаро подождал такси.

- Харли-стрит, 48, - велел он шоферу.

Леди Аствелл была крайне изумлена поспешным отъездом Пуаро в Лондон: маленький бельгиец не предупредил ее об этом ни словом. Он возвратился после суточного отсутствия, и Парсонс тотчас передал ему настоятельное желание хозяйки дома незамедлительно повидаться с ним.

Он нашел ее в будуаре. Опершись на подушки, она полулежала на диване, и вид ее был еще более суровый и напряженный, чем при их первой встрече.

- Итак, вы изволили, наконец, вернуться, месье Пуаро?

- Вернулся, мадам.

- Если не ошибаюсь, вы ездили в Лондон?

- Да, мадам.

- Вы не нашли нужным сказать мне об этом, - голос ее прозвучал весьма резко.

- Умоляю простить мою оплошность, мадам! Полностью признаю свою вину. Конечно, мне следовало предупредить вас. Поверьте, в следующий раз...

Она перебила его, против воли развеселившись:

- В следующий раз вы повторите то же самое! - Ее черты изобраили саркастическую гримаску. - Убеждена, у вас существует тайный девиз: делать, что вздумается, а выкручиваться потом!

- Сдается, это также и ваш девиз? - лукаво отозвался Пуаро.

Она не отрицала.

- Ну... иногда. Время от времени... Так зачем же вы все-таки улизнули в Лондон? Теперь-то вы уж можете мне признаться?

- Я беседовал с нашим непревзойденным инспектором Миллером, а также повидался с милейшим мистером Мэйхью.

Леди Аствелл в упор взглянула на собеседника. Казалось, к ней вернулось прежнее беспокойство. Она запинаясь сказала:

- И теперь вы думаете?..

- Что невиновность мистера Леверсона становится, скорее всего, возможной, - с важностью отозвался Пуаро, отвечая ей таким же пристальным взглядом.

- Ах, боже мой! Значит, вы признаете, что я была права?

- Я сказал: возможной. И ничего больше, леди Аствелл.

Тон Пуаро заставил ее присмиреть. Она посмотрела на него с покорностью.

- Я могу что-нибудь сделать?

- Разумеется, мадам. Прежде всего объяснить, почему вы подозреваете Оуэна Трефузиуса?

- Я же вам много раз говорила: я это знаю. Вот и все.

- К сожалению, одного такого заявления недостаточно, - вздохнул детектив. - Ну прошу вас, мадам, сделайте еще одно усилие. Перенеситесь мысленно в тот злосчастный вечер. Восстановите подробности, самые незначительные мелочи. Хоть что-нибудь, касающееся секретаря сэра Рьюбена. Что-то было! Не могло не быть. Это говорю вам я, Эркюль Пуаро! Ваша память наверняка зафиксировала один или два штриха.

Леди Аствелл печально покачала головой.

- Я вообще едва замечала его присутствие. Просто не держала его в голове.

- Ваши мысли были заняты совсем другим, да?

- Вот именно.

- Например, враждебность вашего мужа к Лили Маргрейв?

- Да... Вы, оказывается, знаете уже и это, месье Пуаро?

Ответ маленького бельгийца прозвучал с комичным высокомерием:

- Для меня не существует ничего скрытого, мадам!

- Я нежно привязана к Лили, зачем отпираться, если вы и так заметили?
Рьюбен начал накручивать всевозможные предположения на ее счет из-за фальшивого рекомендательного письма. Заметьте, я тоже не отрицаю, что она сжульничала. Ну и что? Да я в молодости и не такое вытворяла! Думаете, легко иметь дело с директорами театров? На любые штучки пойдешь, лишь бы получить ангажемент. В такой момент я тоже что угодно написала бы, сказала, подделала... Лили хотела получить это место, и естественно, что она пренебрегла некоторыми условностями, хотя это выглядит незаконно. Поверьте, в некоторых делах мужчины - просто круглые идиоты! Рьюбен так раскипятился, словно она служила у него в банке и имела дело с миллионами. В тот вечер и я была не в своей тарелке. Обычно мне удается уломать Рьюбена, но тут он уперся, как упрямый осел, мой бедняжка. Посудите сами, могла ли я думать в это время про какого-то секретаря? Да и вообще, Трефузиус вроде невидимки; он не из тех людей, на которых обращают внимание. Он пребывал где-то поблизости, вот все, что можно сказать.

- Я тоже отметил это. Мистер Трефузиус личность на редкость тусклая. Не из тех, кто поражает воображение.

- Чего нет, того нет. Полная противоположность Виктору, - сказала леди Аствелл.

- О мистере Викторе Аствелле я рискнул бы заметить, что он самовзрывающийся, не так ли?

- Прекрасное определение! Причем взрывается на весь дом, как фейерверк, - воскликнула леди Аствелл с некоторым даже удовольствием.

- Натура, переполненная эмоциями, - вставил Пуаро.

- О, если его завести, он сущий дьявол! Хотя мне ни капельки не страшно: от него больше шума, чем вреда. Пальба в небо, вот что такое Виктор.

Но Пуаро уже с безразличием смотрел в потолок.

- Так вы ничего не припомните, что бы остановило ваше внимание в связи с секретарем в тот вечер?

- Могу повторить, месье: порукой только моя женская интуиция.

- Которая если и не доведет одного до виселицы, то уж другому не помешает быть повешенным, - подхватил Пуаро. - Леди Аствелл, - серьезно продолжал он. - Раз вы искренне верите в невиновность мистера Леверсона, а свои подозрения другого лица считаете важными, то не согласитесь ли на один эксперимент?

- Какой еще эксперимент? - подозрительно осведомилась леди Аствелл.

- Не согласитесь ли вы, чтобы вас подвергли гипнозу?

- Господи, да зачем же?

Пуаро подсел к ней поближе.

- Если я начну объяснять вам, мадам, что в основе всякой интуиции лежат бессознательно зафиксированные мозгом факты, боюсь, вам станет скучно. Поэтому поясню проще: эксперимент, который я вам предлагаю, может иметь решающее значение для спасения жизни несчастного молодого человека. Вы ведь не откажетесь?

- Гм. Кто же меня будет усыплять? Вы?

- Один из моих ученых друзей, мадам. Если не ошибаюсь, как раз его автомобиль остановился у вашего подъезда. Слышите?

- Кто он?

- Доктор Казалет с Харли-стрит.

- Пойдите... А это надежный человек?

- Он не шарлатан, если вы это имеете в виду. Его пациенты из лучших домов. Совершенно спокойно можете довериться ему.

- Ладно, - сказала со вздохом леди Аствелл. - Я не больно верю, но раз вы настаиваете... Попытка не пытка. По крайней мере, мы не упустим ни одной возможности помочь Чарльзу. Я ни в чем не хочу мешать вам.

- Тысяча благодарностей, мадам!

Пуаро шариком выкатился из будуара и вскоре возвратился в сопровождении полного человека в очках. Его круглое лицо и откровенно жизнерадостный вид никак не совпадали с представлением леди Аствелл о гипнотизерах.

- С чего начнем наш спектакль? - настроившись на веселый лад, спросила она.

- Никаких сложностей, леди Аствелл, все чрезвычайно просто, - охотно откликнулся доктор. - Подложите подушку под локоток, займите самое удобное положение, вот так. И ни о чем не тревожьтесь.

- С чего бы мне тревожиться? Посмотрела бы я на того, кто попытается усыпить меня или еще что-нибудь против моей воли!

- Совершенно справедливо. Но раз вы согласились на наш маленький сеанс, это уже не против воли, не правда ли? - сказал доктор с приятной улыбкой. - Все прекрасно. Месье Пуаро, выключите верхний свет. Леди Аствелл, будьте добры прикрыть глаза, словно вам дремлется.

Он неслышно подошел к ней поближе.

- Уже поздно. Вам хочется спать. Веки тяжелеют. Они смыкаются, смыкаются... их уже не разлепить. Вы погружаетесь в сон. Вы спите.

Голос походил на умиротворяющее журчание, на тихое мурлыканье. Наконец, доктор наклонился и слегка приподнял правое веко леди Аствелл. С удовлетворенным видом он повернулся к Пуаро.

- Все в полном порядке, - сказал он. - Начинать?

- Да, пожалуйста.

Теперь доктор заговорил иначе: отчетливо и властно.

- Леди Аствелл, вы спите, но вы меня слышите? Способны ответить?

Не меня положения, она отозвалась бесцветным монотонным голосом, который прозвучал очень слабо:

- Я слышу. Могу отвечать.

- Я хочу, чтобы вы вернулись в тот вечер, когда был убит ваш муж. Вы помните этот вечер? Хорошо помните?

- Да.

Легкая нервная дрожь передернула ее.

- Итак, вы за столом во время ужина. Что вы видите? Что чувствуете?

- Я расстроена, сокрушаюсь из-за Лили.

- Это мы знаем. Что вы видите вокруг себя?

- Виктор в неумеренном количестве поглощает соленый миндаль, он такой лакомка. Надо предупредить Парсонса, чтобы ставил блюдо с миндалем на другой конец стола.

- Отлично. Продолжайте.

- Рьюбен насуплен и подавлен. Едва ли это из-за одной Лили. Подозреваю, что у него деловые неприятности. Виктор то и дело бросает на него скрытые взгляды...

- Что вы можете сказать о мистере Трефузиусе?

- Его левая манжета пообтрепалась. Волосы обильно смазаны брильянтином... Скверная привычка у мужчин; обивка кресел всегда в жирных пятнах.

- А теперь, мадам, ужин окончен, - сказал доктор Казалет, выразительно взглянув на Пуаро. - Вы пьете кофе. Опишите все подробнее.

- Кофе сварен хорошо. Кухарке это удастся далеко не каждый день, вообще ей нельзя ничего доверить... Лили часто поглядывает на окно. Не знаю, что ей там понадобилось? В гостиную входит Рьюбен. У него приступ мрачности, не знает на ком сорвать свой гнев и очень груб с Трефузиусом, непрерывно осыпает его оскорблениями. У Трефузиуса в руке нож для разрезания бумаг с довольно острым лезвием. Как он его стиснул! Даже суставы пальцев побелели. Воткнул в стол с такой силой, что кончик отломился... Держит, словно кинжал, готовый вонзиться в спину... Они оба уходят. С беспокойством и нежностью смотрю на Лили. Как ей к лицу зеленый муслин! В своем платье она похожа на водяную лилию... Нет, чехлы от мебели придется отдать в стирку на следующей же неделе.

- Минутку, леди Аствелл, остановитесь.

Казалет снова повернулся к Пуаро.

- Кажется, наступает самое главное, - шепотом сказал он. - Разрезательный нож, вот что первым запало в ее подсознание. Перейдем теперь в башню. - Он продолжал настойчиво и четко: - Прошло некоторое время. Вы уже в кабинете у вашего мужа. Началась ссора, не так ли?

Она опять непроизвольно поежилась.

- Да, очень крупная ссора. Мы не сдерживаемся и говорим очень обидные вещи друг другу.

- Отвлекитесь от этого. Забудьте. Насколько ясно вы видите комнату? Она ярко освещена? Шторы задернуты?

- Нет, плафон потушен. Зажжена только настольная лампа.

- Вот вы уходите. Желаете ли вы мужу спокойной ночи?

- Нет. Я слишком рассержена.

- Вы видите его в эти минуты последний раз. Скоро он будет убит. Вы знаете его убийцу?

- Да. Это Трефузиус.

- Почему вы так говорите? Что вас натолкнуло на эту мысль?

- Горб. Горб на шторе. Она оттопыривалась.

- Вы видели достаточно ясно?

- Да. Я почти коснулась шторы.

- Вы подумали, что там спрятался человек? Трефузиус?

- Да.

- Почему вы уверены, что именно он?

Впервые в ее голосе прозвучала неуверенность, она заволновалась.

- Я... я... Из-за ножа для бумаг.

Пуаро и Казалет переглянулись.

- Леди Аствелл, вы говорите, что на шторе был выступ, словно кто-то прятался. А вы видели этого человека?

- Нет.

- Значит, вы заподозрили Трефузиуса, потому что незадолго перед тем он со злобой сжимал нож?

- Да.

- Разве Трефузиус не отправился к себе наверх спать?

- Да, он поднялся в свою комнату.

- Выходит, в оконном проеме он затаиться не мог?

- Не мог.

- Уходя, он пожелал сэру Рьюбену доброй ночи?

- Да.

- И больше вы его не видели в кабинете?

- Нет. - Она говорила все с большим колебанием, дыхание ее становилось прерывистым, она слегка застонала.

- Сейчас проснется, - сказал вполголоса доктор. - Думаю, что большего нам не добиться.

Пуаро кивнул. Доктор наклонился над леди Аствелл.

- Вы просыпаетесь. Надо проснуться, - мягко повторил он. - Сейчас вы откроете глаза.

Несколько минут они ждали. Леди Аствелл приподнялась и поочередно обвела их взглядом.

- Я в самом деле спала?

- Совсем недолго, леди Аствелл, - ответил доктор.

- Значит, вы все-таки проделали свой фокус?

- Ну, вы ведь не ощущаете ничего плохого?

- Пожалуй, некоторую разбитость. Я устала.

Оба мужчины поднялись.

- Мы вас покинем и скажем, чтобы вам принесли крепкого кофе. Это вас подбодрит.

- А я что-нибудь говорила? - догнал их уже у дверей ее возглас.

- Право, ничего особенного. Кажется, вы беспокоились о том, чтобы отдать в стирку чехлы с кресел.

- Для этого не стоило меня гипнотизировать, - сказала она с улыбкой. - Это я сказала бы вам охотно и так. А еще что?

- Вы можете припомнить, как в гостиной, сидя за кофе, мистер Трефузиус вертел в руках разрезательный нож?

- Может, и вертел, но, честно говоря, я этого попросту не заметила.

- А оттопыренная занавеска? Это на что-нибудь наталкивает?

Леди Аствелл сосредоточенно нахмурилась.

- Словно что-то брезжит в памяти... - голос ее звучал нерешительно. - Но нет, ничего определенного... и все-таки...

- Не беспокойтесь, леди Аствелл, - живо произнес Пуаро. - Нет смысла напрягаться. Это уже несущественно, абсолютно несущественно!

Доктор Казалет проводил Пуаро в его комнату.

- Теперь вы нашли объяснения многому, - сказал он. - Без сомнения, когда сэр Рьубен напускался на своего секретаря, тому стоило невероятных усилий сдерживать себя, поэтому он так сжимал нож и стискивал пальцы. Что касается леди Аствелл, то сознательная часть ее существа была полностью занята беспокойством о Лили Маргрейв и лишь подсознательная работа мозга зафиксировала многие другие факты. То, что она называет интуицией, есть их правильное или неправильное толкование. Теперь перейдем к шторе с горбом. Это весьма интересно. Из вашего

рассказа я представляю себе, что письменный стол расположен на одной линии с окном. Окно, конечно, занавешено?

- Да, на нем шторы из черного бархата.

- И амбразура окна достаточно глубока, чтобы там мог спрятаться человек.

- Пожалуй так.

- Значит, это не исключено. Но был ли это секретарь? Ведь двое видели, как он покинул комнату. Виктора Аствелла встретил выходящим из кабинета в башне Трефузиус. Лили Маргрейв тоже отпадает. Кто же этот неизвестный? Ясно одно, он должен был проникнуть в кабинет еще до того, как сэр Рьюбен поднялся к себе в башню из гостиной. А если капитан Нэйлор? Не мог спрятаться он?

- Почему же нет? - протянул задумчиво Пуаро. - Он, видимо, отужинал в гостинице, но как установить момент, когда он оттуда вышел? Хотя возвратился более точно: полпервого.

- Выходит, убийство мог совершить он, - констатировал врач. - Повод имеется, оружие при нем... Но мне сдается, такое решение вас не привлекает?

- Вы угадали. В голове у меня вертится совсем другое, - признался Пуаро. - Скажите-ка, доктор, а если на секундочку предположить, что мужа убила сама леди Аствелл, то выдала ли она бы себя во время гипнотического сеанса?

- Что? Леди Аствелл - убийца?! Вот уж никогда бы не подумал. Впрочем, и в этом есть вероятность: ведь она оставалась с сэром Рьюбеном последней и позже его уже никто живым не видел... Что касается вашего вопроса, то я склонен ответить "нет". Под гипнозом она бы выдала себя, если бы твердо решила скрыть собственную Вину, не тем, что созналась, но просто не смогла бы с такой искренней убежденностью обвинить другого...

- Понятно, - пробормотал Пуаро. - Я ведь и не сказал вам, что подозреваю леди Аствелл. Одна из версий, не более.

- Дело чертовски интересное, - произнес доктор после минутного размышления. - Подозрение падает на стольких людей! Хэмфри Нейлор, леди Аствелл и даже Лили Маргрейв!

- Вы пропустили Виктора Аствелла. Он утверждает, что оставался в своей комнате, приоткрыв дверь и поджидая Чарльза Леверсона. Но мы не обязаны верить ему на слово!

- Тип, про которого вы мне говорили? Этот невоздержанный скандалист?

- Вот именно.

Доктор с сожалением поднялся.

- Пора возвращаться в Лондон. Вы обещаете держать меня в курсе, чертовски занимательно, какой оборот примут эти странные события.

После отъезда друга Пуаро позвонил Джорджу:

- Чашку травяного настоя, пожалуйста. Я чувствую, что превращаюсь в комок нервов!

- Сию минуту подам, месье.

Вскоре он вернулся с дымящейся чашкой, налитой доверху. Пуаро с наслаждением вдохнул аромат.

- В этой истории, мой милый Джордж, нас должен вдохновлять пример кошки. Она проводит утомительные часы перед мышинной норкой, сидит не шевелясь и не покидая своего поста.

Пуаро с глубоким вздохом отставил пустую чашку.

- Я просил вас уложить чемодан с расчетом на три дня? Завтра вы отправитесь в Лондон и привезете вещи на две недели.

- Слушаюсь, месье, - отозвался невозмутимый слух а.

Назойливое присутствие детектива в вилле "Мой отдых", казалось, раздражало многих. Виктор Аствелл заявил невестке форменный протест.

- Вы его пригласили, Нэнси, прекрасно! Но вы не знаете, что это за беспардонные типы! Он прямо-таки присосался к нам, нашел даровое жилье, устроился с удобствами чуть ке на месяц, а ваши денежки ему между тем идут и идут!

В ответ леди Аствелл с твердостью заявила, что способна сама заниматься своими делами.

Лили Маргрейв пыталась не показывать волнения. Поначалу ей казалось, что Пуаро ей верит, но теперь в нее закрадывались сомнения.

Свою игру маленький детектив вел так, чтобы нагнетать вокруг нервное напряжение. Спустя пять дней после своего водворения в "Моем отдыхе" он принес в гостиную - о, только для забавы! - маленький дактилоскопический альбом. Довольно примитивный прием, чтобы снять у всех отпечатки пальцев. И никто не осмелился уклониться от этого! Едва коротышка бельгиец удалился со своим альбомчиком Виктор Аствелл вскипел:

- Теперь вам ясно? Наглец метит в одного из нас, Нэнси!

- Ах, не будьте идиотом, Виктор.

- Но какой еще смысл могла иметь его выходка?

- Месье Пуаро знает, что делает, - сказала леди Аствелл, метнув выразительный взгляд в сторону Трефузиуса.

В следующий раз Пуаро затеял получить ото всех следы подошв на белых листах бумаги. Когда затем он своей неслышной кошачьей походкой возник в библиотеке, Трефузиус так подпрыгнул на стуле от неожиданности, словно в него всадили заряд дроби.

- Простите, месье Пуаро, - сказал он с несколько вымученной улыбкой, - но боюсь, что из-за вас у нас всех начнется неврастения.

- С чего бы? - невинно спросил Пуаро.

- Улики против Леверсона казались неоспоримыми, а вы даете понять, что придерживаетесь иного мнения, не так ли?

Пуаро, который подошел к окну, теперь с живостью обернулся:

- Мистер Трефузиус, я решился открыться вам кое в чем. Но разумеется, строго конфиденциально.

- Да?

Пуаро, казалось, все-таки испытывал колебания и заговорил не сразу. Вышло так, что первые слова заглушил стук входной двери и Трефузиус не расслышал их. Тогда Пуаро повторил раздельно и четко:

- Дело в том, мистер Трефузиус, что появились новые данные. А именно: когда Чарльз Леверсон поднялся в кабинет в башне, сэр Рьюбен был уже мертв. Так-то.

Секретарь с трудом оторвал от него остекленевший взгляд.

- Но... какие данные? Почему о них никто не слышал?

- Еще услышат, - таинственно проговорил маленький бельгиец. - А пока лишь мы с вами обладаем секретом.

Он стремительно выбежал из кабинета и почти налетел на Виктора Аствелла.

- Вы только что вернулись, мистер Аствелл?

- Да. Поистине собачья погода, сырость, холодище, ветер.

- Ну, тогда я остаюсь дома, без прогулки. Я, знаете, как кошка, люблю посидеть в тепле, у огонька...

Тем же вечером Пуаро сообщил своему преданному слуге:

- Дело движется, Джордж! Они все у меня вертятся на горячих углях. Хлопотно все-таки изображать из себя кошку у норы! Однако дело стоит того, результаты просто великолепны. А завтра мы попробуем еще один ход.

На следующий день и Трефузиусу и Виктору Аствеллу понадобилось отлучиться в Лондон. Они сели в один поезд.

Не успели оба выйти за дверь, как Пуаро развил лихорадочную деятельность.

- Скорее, Джордж, за работу. Зевать сейчас некогда! Если появится горничная, задержите ее в коридоре. Рассыпайтесь в любезностях, заговаривайте ей зубы как хотите, лишь бы задержать.

Сам он юркнул в комнату секретаря и провел там самый тщательный обыск, пересмотрел все ящики и полки. Затем водворил вещи по местам.

Джордж, стоявший на страже у дверей, позволил себе кашлянуть.

- Извините, месье; - почтительно произнес он.

- Да, Джордж?

- Это касается тифель, месье. Две пары коричневых находились на верхней полке, а черные кожаные под ними. Вы спутали их местами.

- Вы неподражаемы, - воскликнул Пуаро. - Впрочем, это мелочь. Мистер Трефузиус не обратит внимания на столь незначительный беспорядок.

- Как вам будет угодно, месье.

- Замечать подобные детали входит в вашу профессию и делает вам честь, милый Джордж, - с одобрением добавил Пуаро.

Слуга промолчал. И когда в комнате Виктора Аствелла его хозяин позволил себе подобную небрежность вновь, он воздержался от замечаний. Однако в этом случае Пуаро оказался решительно не прав. Виктор ворвался в гостиную подобно урагану.

- Признавайтесь, вы, чучело! Проклятый иностранщик! Кто вам разрешил рыться в моих вещах?! Что это значит? Что вы вынюхиваете? Я не потерплю этого, слышите? Вот что получается, когда в доме поселяется грязный шпион, который всюду сует свой нос!

Вытянув руки перед собою защитным и умоляющим жестом, Пуаро сыпал извинения, как из рога изобилия. Речь его не прерывалась ни на миг. Ах, он в отчаянии, проявив подобную нескромность, неловкое рвение, глупую старательность... Сто, тысяча, миллион извинений! Он сконфужен, донельзя огорчен, умоляет простить неоправданную вольность... Под этим потоком слов Виктору Аствеллу поневоле пришлось умолкнуть самому, хотя едва ли его возмущение улеглось окончательно.

Поздно вечером, смакуя травяной чай, Пуаро повторил с удовольствием:

- Дело движется, мой добрый Джордж! Дело идет на лад.

- Пятница - удачнейший мой день! - объявил Пуаро на следующее утро.

- Правда, месье?

- А вы не подвержены суевериям, милый Джордж?

- Я предпочитаю, месье, чтобы за стол не садилось тринадцать человек и избегаю проходить под приставными лестницами. Пятница меня как-то мало волнует.

- Может быть, и так. Но, видите ли, сегодня грянет наша победа!

- Правда, месье?

- Вы даже не спрашиваете, как я собираюсь этого добиться?

- Как же именно, месье?

- Сегодня я осмотрю, не пропуская ни пяди, кабинет в башне. И в самом деле, получив разрешение хозяйки дома, Пуаро после завтрака прошествовал к месту преступления. Любопытные могли видеть, как он ползает на четвереньках по ковру, заглядывает под кресла, отодвигает картины и щупает занавески. Даже на леди Аствелл все эти манипуляции произвели тягостное впечатление.

- Сознаюсь, он мне тоже начинает действовать на нервы. Понимаю, что все это работает на его идею, но... на какую именно? У меня просто мурашки бегают, когда он так вынюхивает и выслеживает, будто ищейка! Лили, милочка, поднимитесь в башню, взгляните незаметно, чем он сейчас занят... Нет, пожалуй, не стоит. Оставайтесь со мною.

- Не угодно ли, леди Аствелл, чтобы поручение выполнил я? - спросил Трефузиус, вставая.

- Если вам так хочется, мистер Трефузиус.

Оуэн Трефузиус тотчас поднялся в башню. Сначала ему показалось, что в кабинете никого нет. Присутствие Эркюля Пуаро им не было обнаружено. Он собирался удалиться, как вдруг услышал легкий шорох и увидел маленького бельгийца на середине винтовой лестницы, которая вела в спальню. Все так же на корточках он рассматривал в лупу нечто на ступеньке, сбоку от ковровой дорожки. Нечленораздельно бормоча себе под нос, он сунул лупу в карман, а это нечто держал двумя пальцами. Только сейчас он заметил секретаря.

- Ах, мистер Трефузиус! Представьте, я и не услышал вас.

Всю прежнюю озабоченность Пуаро словно рукою сняло. Это был совсем другой человек: он ликовал, он торжествовал!

- Что произошло, месье Пуаро? Вы так сияете, - чувствовалось, что секретарь ошеломлен его переменной.

Коротышка детектив самодовольно выпятил грудь:

- Именно сияю. Я нашел то, что ищу с первого дня. В моих руках улика, которая разоблачает преступника!

- Надо ли понимать так, что это лицо не Чарльз Леверсон? - Трефузиус скептически поднял брови.

- Разумеется, не он. Собственно, это я знал сразу, но сомнения в истинном имени убийцы оставались. Зато теперь все ясно.

Он весело сбежал по лестнице и от избытка чувств потрепал секретаря по плечу.

- Я тороплюсь в Лондон, а вы попросите от моего имени леди Аствелл, чтобы она пригласила всех собраться к девяти часам вечера сюда, в кабинет в башне. К этому времени я непременно вернусь и - конец всем недомолвкам! Истина будет установлена. Ах, я положительно счастлив!

Пуаро изобразил пируэт какого-то фантастического танца и стремительно исчез, оставив Трефузиуса в тягостном недоумении. Однако через несколько минут Пуаро вновь появился, на этот раз в библиотеке, и попросил поискать для него совсем крошечную картонную коробочку.

- У меня под руками не нашлось подходящей, а она мне крайне нужна, как хранилище для некой ценности.

Трефузиус порылся в ящиках письменного стола и подал то, что требовалось. Весьма довольный, Пуаро взбежал по лестнице на третий этаж, где отдал свое сокровище Джорджу.

- Имейте в виду, внутри находится предмет, не имеющий цены!

Спрячьте коробочку в туалетный столик, рядом с футляром для моих жемчужных запонок.

- Все исполню, месье.

- Будьте чрезвычайно внимательны. То, что в коробочке, приведет на виселицу убийцу.

- Вот как, месье?!

Пуаро вприпрыжку сбежал по лестнице, схватил шляпу и ушел.

А вот возвращение его было не таким эффектным. Как было условлено с Джорджем, тот встретил его у боковой двери, незаметно отомкнув ее.

- Они в кабинете? Все?

- Да, месье.

Оба обменялись еще несколькими словами шепотом, после чего Пуаро с видом победителя направился в кабинет, где менее месяца назад было совершено убийство.

Он окинул собравшихся взглядом: здесь, были леди Аствелл, Виктор Аствелл, Лили Маргрейв, секретарь и дворецкий Парсонс. Последний неуверенно топтался у дверей.

- Месье Джордж сказал, что я понадобится. Так ли это? - спросил он у Пуаро.

- Сущая правда. Прошу вас остаться.

Детектив вышел на середину комнаты. Он заговорил не спеша, взвешивая выражения.

- Это дело вызвало у меня особый интерес. Каждый из вас мог убить сэра Рьюбена Аствелла. Кто получает наследство? Леди Аствелл и Чарльз Леверсон. Кто оставался с ним позже всех в ту ночь? Леди Аствелл. С кем произошла крупная ссора? Опять же с леди Аствелл.

- Что вы плетете? - закричала она. - Я не понимаю... я...

- Но и еще один человек разбрался с сэром Рьюбеном, - невозмутимо продолжал Пуаро. - Еще один человек ушел от него в ту ночь, трясась от ярости. Если предположить, что леди Аствелл оставила своего мужа живым без четверти двенадцать, то до возвращения Чарльза Леверсона оставалось еще десять минут. За эти десять минут

кто-то другой мог бесшумно и незаметно спуститься с третьего этажа, совершить убийство и также быстро и тихо возвратиться в свою спальню.

Виктор Аствелл подскочил с рычанием:

- Долго вы будете нас морочить, черт побери! - Он захлебнулся яростью и ему не хватило дыхания.

- Однако, мистер Аствелл, в Западной Африке вам случалось убить человека в припадке гнева, не так ли?

Раздалось внезапное восклицание Лили Маргрейв:

- Я не верю, не верю этому!

Она тоже вскочила с пылающими щеками, руки ее были стиснуты.

- Нет, не верю! - повторила она и решительно подошла к Виктору, чтобы встать с ним рядом.

- Это правда. Лили. Но кое о чем этот тип не знает. Я застрелил бесчеловечного фанатика, колдуна, который сам убил пятнадцать детей. Мой гнев был оправдан.

Лили сделала шаг к Пуаро.

- Месье Пуаро, вы не правы. Если человек вспыльчив и неводержан на язык, если он способен взорваться и наговорить невесть что, это вовсе не означает, что он способен и на преступление. Я-то это знаю и убеждена, что мистер Аствелл на способен на бесчестный поступок.

Пуаро взглянул на нее очень ласково и даже слегка погладил протянутую ему руку.

- Оказывается, мадемуазель, и вы не чужды интуиции? Итак, вы полностью доверяете мистеру Аствеллу? Я не ошибся?

Лили уже овладела собою.

- Не ошиблись. Он честный, смелый человек и ничем не запятнал себя в афере с приисками Мпалы. Я верю каждому его слову и обещала стать его женой.

Виктор Аствелл с нежностью взял ее за другую руку.

- Месье Пуаро, - проникновенно сказал он. - Клянусь вам перед богом: я не убивал моего брата!

- Я это знаю, - ответил Пуаро.

Он вновь обвел всех присутствующих внимательным взглядом.

- Есть еще одно обстоятельство, друзья мои. В состоянии гипнотического транса леди Аствелл упомянула о странно оттопыренной шторе, которую видела в ту ночь.

Все взоры невольно приковались к окну.

- Вы хотите сказать, что там прятался грабитель? - с облегчением воскликнул Виктор Аствелл. - Поистине это лучшее решение!

- Но то была другая штора, - тихо возразил Пуаро и указал на портьеру, закрывавшую вход на маленькую лестницу. - Предыдущую ночь сэр Рьюбен провел в верхней спальне, завтракал в постели и там же давал мистеру Трефузиусу указания на день. Я не знаю, что именно мистер Трефузиус по рассеянности оставил в этой комнате, но вечером, покидая сэра Рьюбена, он решил на минуту подняться туда, чтобы захватить эту вещь. В какую дверь он вышел, ни муж, ни жена попросту не обратили внимания, так как между ними уже начиналась ссора. Единственно, что дошло до их сознания, это то, что они наконец наедине и могут не сдерживаться больше. Когда Трефузиус спускался обратно, ссора настолько углубилась, супруги бросали друг другу в лицо столь интимные обвинения, что показаться им на глаза, давая понять, что он все слышал, было просто невыносимо. Ведь они-то думали, что он давным-давно отправился спать! Опасаясь новых, еще более грубых оскорблений от своего хозяина, Трефузиус поневоле оставался в своем укрытии, надеясь улучшить момент для незаметного исчезновения. Он стоял за шторой, и леди Аствелл, уходя, бессознательно запечатлела в памяти ее выпуклость. Мистер Трефузиус пытался выскользнуть вслед за леди Аствелл, но, на его беду, сэр Рьюбен обернулся и увидел его. Что только не посыпалось на его несчастную голову! Он подслушивает, он шпионит! Намеренно отирается под дверьми!.. Сознаюсь, что психология - моя страсть. Во время всего расследования я искал не того, кто легко теряет самообладание и для кого гнев, таким образом, служит предохранительным клапаном, но, напротив, человека, вынужденного

затаивать обиды, переносить их молча, терпеть, не показывая вида, как глубоко он возмущен. Не та собака кусает, которая лает! Девять лет играть роль козла отпущения - какое длительное усилие. И как много накопилось злобы. Но неизбежно наступает момент, когда пружина не выдерживает, она лопается. Струну нельзя натягивать бесконечно. Это и происходит в ту злосчастную ночь. Накричавшись вволю, сэръ Рьюбен вернулся за стол, совершенно не интересуясь человеком, которого только что оскорбил без всякой вины. Он убежден, что тот, как всегда, униженно ретировался. Но секретарь, охваченный бешенством, срывает со стены палицу и ударяет ею ненавистного ему человека.

Пуаро повернулся к Трефузиусу, который, словно в беспамятстве, безмолвно смотрел на него.

- Ваше алиби было таким несокрушимым! Мистер Виктор Аствелл считал, что вы у себя в комнате. Но ведь никто не видел, как вы туда вошли! На самом деле вы находились в башне еще довольно долго, не успев уйти до появления Чарльза Леверсона. Вы стояли за той же портьерой, когда в кабинет пришла Лили... В общем, вам удалось выбраться, лишь когда дом окончательно затих. Надеюсь, вы не станете отпираться?

- Я... я никогда...

- Ладно, покончим с этим, - сурово прервал Пуаро. - Вот уже две недели, как я разыгрываю комедию. Я дал вам возможность заметить сеть, которая затягивала вас. Отпечатки пальцев, следы подошв, небрежный обыск - все это нагнетало на вас ужас разоблачения. Вы проводили бессонные ночи, лихорадочно ища спасения, прикидывая вновь и вновь все мельчайшие улики. Не осталось ли ваших отпечатков в башне? Или следа ботинка на лестнице? Вы выдали себя, когда панически испугались: что именно я подобрал на ступенях, где вы так долго прятались? Я всячески раздумывал этот эпизод. У вас же попросил коробочку, наказывая своему слуге беречь ее пуще глаза... Джордж!

- Я здесь, месье.

- Прошу вас, повторите в присутствии леди и джентльменов, какие инструкции вам были оставлены.

- Вы мне велели, месье, спрятаться в стенном шкафу в вашей комнате и наблюдать оттуда за спрятанной коробкой. В четверть четвертого на цыпочках вошел мистер Трефузиус и полез в ящик туалетного стола. Он ее и взял.

- А в этой коробочке, - торжествуя, подхватил Пуаро, - была всего лишь шпилька! Я действительно подобрал ее где-то на лестнице. Говорят, найти шпильку к удаче. Что ж, мне повезло, я обнаружил убийцу. Вот видите, - он обернулся к секретарю, - в сущности, вы выдали себя сами.

Как подкошенный Трефузиус упал на стул и отчаянно зарыдал.

- Я был безумен! - стонал он. - Я потерял в тот момент рассудок! Но... о, господи! Как он изводил меня, как мучил... все это было выше человеческих сил! Год за годом, день за днем... Я ненавижу его!

- Всегда чувствовала это, - прошептала леди Аствелл. Она выпрямилась. Лицо ее выражало нескрываемое торжество. - Я знала, кто убийца!

- Что ж, вы оказались правы, - подтвердил знаменитый детектив без особого энтузиазма. - Можно называть вещи разными именами, суть их не меняется. Ваша интуиция была верной. Поздравляю вас, мадам.